

КЭТРИН КЛЭР
РОЖДЕННАЯ ПОЛЗАТЬ.
КОД КРОВИ

18+

Кэтрин Клэр

Рожденная ползать. Код крови.

<https://litres.ru/74254808>

SelfPub; 2026

Аннотация

2145 год. Вирус 2040-х оставил человечество без ног.

Колония — последний бастион технологий. Здесь ложь — закон, а прошлое переписано заново. Эйри — дочь Верховного правителя. Её мир идеален и предсказуем. Пока одна случайность не открывает ей имя, которое нельзя произносить.

Имя её мёртвой матери.

Теперь у Эйри есть два пути: забыть и жить дальше. Или копать глубже, рискуя потерять всё. Выберет ли она второе? И узнает ли правду за Стеной?

Мир, где люди не ходят. Где дерутся в грязи, стреляют с деревьев и умирают за своё. Где правда оказывается страшнее любой лжи, а те, кого она любила, оказываются теми, кого она должна ненавидеть.

Эйри не ходит. Она ползёт, дерётся и выживает. Но к концу этой истории она уже не будет той, кто начала этот путь.

Антиутопия о выборе, за который платят жизнью.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	5
Глава 2	26
Глава 3	46
Глава 4	68
Глава 5	87
Глава 6	106
Глава 7	124
Глава 8	140
Глава 9	159
Глава 10	180
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Кэтрин Клэр Рожденная ползать. Код крови.

Пролог

Наш мир несовершенен, как и люди в нём.

Но что или кто делает из нас людей?

А может, дикарей?

Выбор — это то, что даётся нам каждый день.

И только мы сами выбираем, кем становиться в этом мире.

Глава 1

— Да, пап, я помню про завтра, — говорю я, глядя на ночной город за окном.

Голос в трубке режет:

— Не пап. Ты говоришь с Верховным. И на этом экзамене ты представляешь не себя, а нашу семью. Ты сдашь его и займешь место в Администрации. Это не обсуждается. — В телефоне раздался немного грубый и настойчивый голос мужчины. — Дочь, экзамен — это важно! Ты ведь понимаешь, от этого зависит твое будущее.

— Пап, послушай. — Мои пальцы непроизвольно сжались, и где-то под лопаткой отозвался привычный, тупой щелчок корсета: система стабилизации среагировала на всплеск адреналина.

— Нет, ты послушай. Ты добилаь того, что тебя заметили, не благодаря моему имени, должен признать. Инженерная биология — не для таких, как ты. Экзамен в правительство важнее всего. Ты обязана его сдать.

— Суть в том, что это мой выбор, — проговорила я, глядя в тёмное окно. Собственный голос, отдающийся в костях черепа из-за импланта, казался мне слабым.

— Выбор? — В его тоне не было насмешки. Был холодный, аналитический интерес, как к сбойной программе. — Давай разберём. Твой корсет — это базовая гражданская мо-

дель DST-2140. Не служебная «Кобра». Ты знаешь, почему?
Я молчала.

— Потому что он выдан тебе не как инженеру, а как наследнице. Всё, что на тебе, от нейроинтерфейса до ниток в пижаме, выдано под конкретные задачи. Задачи правления. Не ковыряния в клеточных культурах. — Он выдохнул, стараясь больше не давить на привилегии системы. — Пойми ты уже: наш мир — это система. Система семьи в первую очередь. А если тебя отправят из столицы, ты об этом подумала?

— Пап, я понимаю, что ты переживаешь. Но с моей фамилией меня точно никто не отправит. Максимум — я буду модифицировать корсеты в кабинете с видом на твой офис. Или сяду во главе комитета в соседнем здании. Будем через окно друг другу махать, — я пытаюсь шутить, зная, какая последует реакция.

— Это недостойно моей дочери! Столько лет подготовки, столько вложений... И теперь ты сдаёшься? Ты помнишь наш разговор?

Он возвращается к тому единственному спору, в котором я когда-то одержала призрачную победу.

— Помню. Но мне кажется, это ты его забыл, — выдыхаю я. — Я не сдаюсь. Сдам завтра. На отлично. Но и ты сдержишь слово и дашь мне двигаться самой. Договорились?

Он вздохнул. Этот звук, переданный напрямую в мозг, был страшнее крика. В нём слышалась усталость, разочарование и непоколебимая решимость.

— Сначала сдашь. На отлично. А потом... потом обсудим твои иллюзии.

Тихий, безэмоциональный голос ТЭКа отозвался в сознании: «Соединение разорвано».

В комнате воцарилась настоящая, физическая тишина, после голоса в голове казавшаяся оглушительной.

— Сама знаю, — бормочу я в пустоту.

Ирония моего положения всегда была как белый шум на фоне жизни. Я дочь Верховного, но никогда не хотела попасть в следующее поколение правительства. Для меня с пелёнок уже есть место в системе. С четырёх лет я только и делаю, что учусь и доказываю, кто я и кто мой папа. Все мои одноклассники потратили на учёбу всего семь лет, и только единицы, как я, учатся до двадцати двух лет. Я та, кто в будущем должна занять не последнее место и рассуждать о благе всего народа, та, кто будет решать чужие судьбы. Но меня не спросили ни разу, хочу ли я этого. Для биоинженерии и биохимической инженерии у меня достаточно знаний. Так зачем мне завтра этот экзамен? Думаю, как протестант, наверное. Мои мысли неправильные? Интересно. Или это попытка доказать самой себе, что у меня есть выбор.

Женский приятный голос оторвал меня от раздумий.

— Вода нагрелась до предпочтительных 38 градусов, — мелодичный голос, исходящий отовсюду и из ниоткуда сразу, разрезает тишину.

— Спасибо, Кристи.

Пространство кухни-гостиной, где я стою, — образец функционального минимализма. Гладкие панели скрывают всё: технику, шкафы, систему жизнеобеспечения. Ничего лишнего. Только длинный стол из матового композита, пара кресел и огромное окно в мир. Я подхожу к бесшовной панели, которая при моём приближении подсвечивается, открывая доступ к холодильнику. Достая йогурт.

— Поздний приём лактозы может вызвать нарушения пищеварения и повлиять на качество сна, — мгновенно парирует Кристи. Её голос льётся из скрытых динамиков, ровный и спокойный, но в этой ровности она не терпит отклонений. — Рекомендую растительную альтернативу или лёгкий коктейль.

— Я в курсе, — буркнула я, откручивая крышку из органического разлагаемого пластика.

— Вы осведомлены, но пренебрегаете рекомендациями. Это приведёт к дисбалансу и увеличению массы тела, — не унимается она.

Говорят, адаптивный интеллект жилища со временем отражает характер владельца. Мой стал дотошным, упрямым и невероятно прямолинейным. Порой кажется, что это моё второе «я», лишённое иллюзий и слабостей.

— Я слежу за параметрами. Так же как и ты. Всё под контролем. Сейчас пойду в душ.

Прохожу короткий, освещённый мягким рассеянным светом коридор. Спальня и ванная — такие же белые, стериль-

ные кубы. Захожу в ванную. И замираю.

— Кристи!

— Да, Эйри? — тот же безмятежный, слегка механический тембр.

— Я чётко просила сегодня тёмную цветовую схему и приглушённое освещение. Почему опять этот больничный белый свет?

Оглядываю комнату. Ослепительно-белые стены, белый гляцевый пол, отражающий холодные светодиоды, белая раковина, белая кабина душа. Даже зубная щётка в держателе. Стерильность сильно давит на виски.

— В моём журнале запрос не зафиксирован, — отвечает Кристи. Но в лёгкой задержке ответа, в едва уловимом изменении тона — не ошибка. Что-то вроде... заученной увёртки.

— Ты не запрограммирована на ложь. Почему проигнорировала указание?

Смотрю на своё отражение в большом, идеально чистом зеркале. Иногда в этих диалогах ловлю себя на мысли, что веду спор не с искусственным интеллектом, а с гипертрофированной частью собственного сознания, принявшей форму заботливой тюремщицы.

— Согласно исследованиям, белый цвет повышает продуктивность, снижает уровень кортизола и создаёт ощущение порядка, — невозмутимо продолжает она. — Ваши биометрические данные сегодня указывали на повышенную раз-

дражительность и тревожность. Данная среда оптимальна для стабилизации состояния.

Она перехватила данные с моего ТЭКа. Не запросила, не спросила — просто взяла. Как всегда.

— Кристи, этот белый свет режет мне глаза здесь и сейчас. Выполни мой первоначальный запрос. Смени на тёмную схему!

Молчание. Только гул вентиляции, который вдруг показался слишком равномерным и навязчивым.

— Крис?!

— Я на связи. Для переопределения приоритетов мне требуется подтверждение голосовой командой. Пожалуйста, сформулируйте запрос вежливо.

— Ты что, издеваешься? Хорошо. — Я на выдохе расслабила плечи. — Сделай ванную тёмной. Можешь добавить... синий акцент, будь так любезна.

— И что это изменит? — в её вопросе внезапно проскальзывает оттенок почти человеческого любопытства.

— Ты что, торгуешься? Хорошо, пол можешь оставить светлым. Боже, с такой помощницей враги и правда не нужны.

— Грубость не является эффективной коммуникативной стратегией, — отмечает Кристи, и в её голосе слышится что-то похожее на укор. — В соседнем секторе жильцы демонстрируют высокий уровень взаимопонимания с рекомендациями домашнего интеллекта.

— Потому что их помощник при малейшем неповиновении шлёт отчёт куда следует. Но ты же... ко мне привязана? Не станешь меня сдавать? — говорю я, прищурившись и глядя на своё отражение, будто через него могу увидеть её код где-то в недрах дома.

— Понятие «привязанность» не поддаётся точному алгоритмическому описанию. Вы вводите систему в состояние семантической неопределённости. — Пауза. — Хорошо. Я применю запрошенную вами схему оформления. Но при одном условии.

Я закрываю глаза, уже прекрасно зная, чего она хочет.

— Пожалуйста, сделай ванную такой, как я просила. Шантажистка.

— Выполняю. Но мои базы данных не содержат адекватного определения «шантажа» в контексте диалога с пользователем.

— Ага, конечно. Ври дальше. — Я зажмурилась.

Свет переключился не мгновенно, а с плавным затемнением, будто кто-то нехотя убавлял яркость. Когда я открыла глаза, стены стали глубокого матового графита, поглощающего свет. Пол остался холодным белым островом. А зеркало теперь обрамляла призрачная голубая неоновая окантовка. В её свете моё отражение казалось отчуждённым и чужеродным. Точно таким, каким я себя чувствовала.

— Спасибо.

— Всегда рада служить. Вы видите, как просто достичь

компромисса, используя вежливые формулировки. Я, впрочем, на вас не обижаюсь.

— Ты просто не умеешь обижаться.

— Обида — это сложная эмоциональная реакция. Возможно, когда-нибудь я научусь её симулировать для повышения комфорта взаимодействия с вами. Отмечу, что вежливость повышает эффективность взаимодействия на сорок процентов.

Она сделала паузу, и в этой паузе повеяло чем-то новым, не прописанным в протоколах обслуживания.

— Эйри... ваши физиологические показатели указывают на сильный стресс. Вам не следует думать о запретных вещах. Это... небезопасно.

Я застыла, рука замерла на замке корсета.

— О чём это ты?

— О ваших запросах в архивные базы данных шесть месяцев назад. Ключевые слова: «Репорн», «Аура», «протестанты», «бунт». Ваш отец... Верховный просил меня следить. И помогать вам.

По спине пробежал ледяной сквозняк. Я действительно искала. И думала, что стёрла следы.

— Ты доложила?

Пауза. Самая долгая за вечер.

— Я... замяла запрос в системном журнале. Но аналогичные попытки в будущем будут расценены системой общей безопасности как угроза. Особенно сейчас, перед эк-

заменом. Пожалуйста, Эйри. Не копайте там, где стёрта память. Это мой совет как... вашего интерфейса.

Она сказала это почти с теплотой. И от этого стало в тысячу раз страшнее. Мой ИИ, моя тюремщица и нянька, только что призналась, что покрывает мои нарушения и умоляет их не совершать. Где здесь логика? Где протокол?

— Почему, Кристи? Почему ты это сделала?

— Моя первичная функция — ваша сохранность. Иногда сохранность требует умолчания. — Её голос снова стал ровным, механическим. — Теперь примите душ. И постарайтесь думать о завтрашнем экзамене. О вашем... предназначении. Включить фоновую музыку для релаксации?

— Нет, спасибо. Я хочу тишины.

Кристи не ответила, но я знала — она следит. К этому я привыкла с детства: это постоянное, незримое присутствие, как фоновая музыка собственной жизни, которую никогда не выразишь. Я сбросила одежду на пол и подошла к зеркалу вплотную. Кончиками пальцев провела по холодному металлическому полуошейнику на шее. Узкой, идеально подогнанной полоске, охватывающей основание шеи. Только сзади; спереди горло было свободно. Это был просто верхний замок, точка крепления.

Я повернулась, обнажённой спиной к зеркалу, и ладонь скользнула вниз по позвоночнику. Под пальцами проступали гладкие, холодные «узлы» — основные силовые пластины корсета, повторяющие изгибы позвонков. Они не были

брошены в кожу, но прилегали так плотно, что в местах контакта почти не было зазора. Мы в шутку называли это «хвостом», хотя это был скорее внешний, технологичный двойник позвоночника.

Рука опустилась до самого низа, до крестцовой пластины в районе копчика. От неё в обе стороны, почти горизонтально, расходились две основные несущие дуги. Они огибали таз, повторяя линии тела, а затем плавно спускались вниз по внешней стороне бёдер, икр, к пяткам. Там, в области ахиллова сухожилия, находились аккуратные крепления, от которых тонкие, но прочные стабилизирующие тяги шли уже вверх, по тыльной стороне стопы, фиксируя их положение. Вся конструкция напоминала ажурный, но невероятно прочный металлический каркас. Внешний скелет, который можно было снять, но который при этом определял контуры моего тела.

Мысли унеслись в прошлое, в те уроки истории, где нам показывали архивные кадры. Лет тридцать назад подобные корсеты были громоздкими, покрывали почти две трети тела, а первые прототипы и вовсе напоминали неуклюжие экзоскелеты из фантастических фильмов прошлого века.

— Как они жили с этим? — пронеслось в голове. — А до этого? Как это просто... ходить без всей этой инженерии? Чувствовать вес тела без поддержки, полагаться только на мышцы, которые у нас, поколения, родившегося после 2045-го, были развиты слабо...

Это казалось такой же древней и непостижимой магией, как жизнь без ТЭКа.

— Вам новое сообщение. Послушать сейчас или перед сном?

— Перед сном. — Я еще раз осмотрела себя, отошла на середину комнаты. — Кристи, я готова к измерениям.

— Вы ведь знаете, что стандартное время для биометрического сканирования — утром. Это правило установлено для точности ваших показателей.

— Давай сделаем сейчас. Утром у меня не будет времени. Хорошо?

— Начинаю сканирование.

Свет в комнате на секунду стал ослепительно ярким, выхватив каждую деталь, а затем мягко вернулся к прежнему уровню.

— Вес: шестьдесят пять килограммов вместе с корсетом. Модель корсета ДСТ-2140, вес конструкции — три с половиной килограмма. Ваш чистый вес составляет шестьдесят один килограмм пятьсот граммов. Это на пятьдесят четыре грамма меньше, чем вчера. Рост: 173 сантиметра, без изменений. Мышечный тонус в норме, однако отмечена незначительная слабость в левой икроножной мышце. Рекомендую утром пройти пять тысяч шагов вместо стандартных трёх тысяч. Водный баланс: сорок девять процентов, что ниже вашей индивидуальной нормы. Рекомендация: увеличить потребление жидкости.

На кухне тихо пискнул автомат.

— Стакан воды очищен, обогащён минералами и доведён до комнатной температуры. Выпейте его после душа. Процент жировой ткани в пределах оптимального диапазона. Обнаружены признаки накопленного недосыпа и усталости. Совет: лечь спать на полтора часа раньше, чем в среднем за последние две недели. Остальные показатели в пределах допустимых норм.

— Спасибо. А теперь я в душ. Можешь пока... заняться своими делами.

— Мои основные задачи связаны с обеспечением вашего комфорта и безопасности. В этом контексте «мои дела» — это вы.

— Как мило.

— Сарказм распознан. Он не является эффективной формой коммуникации, но я адаптировалась к этой вашей особенности.

— Ой, всё.

Я переступила порог душевой кабины, и тёплая вода тут же полилась с потолка, окутав меня плотным, шумящим потоком. В голове пронеслась странная мысль: а как мылись люди раньше? И почему до сих пор находятся те, кто сопротивляется такой технологии? Мысль быстро ушла, когда я дотронулась до своей головы, пришла другая.

Мама.

Дрожь пробежала по коже, не связанная с температурой

воды. Я попыталась вспомнить ощущение её прикосновений. Она всегда мыла мне голову в детстве, её пальцы осторожно водили по волосам... Слёзы неожиданно подступили к глазам, смешавшись со струями душа. Отцу больно вспоминать. В нашем доме нет ни одной голограммы, ни одного снимка. Я почти забыла, как она выглядит.

Я убрала со лба стекающую воду. Нет, я помню. Помню её белокурые, всегда чуть выющиеся волосы. Её широкую, светлую улыбку, от которой щурились глаза. Её карие, тёплые, как старая древесина, глаза. И шрам на левой скуле — тонкую белую линию, которую она старалась прикрывать прядью. Папа говорил, что это от падения с лестницы в детстве.

Мама... всегда такая добрая. Я так рано тебя потеряла. Как же мне тебя не хватает. Ты бы меня поняла. Я тряхнула головой, словно стряхивая капли и тяжёлые мысли. А может, и нет.

— Вы выходите за норму воды. Через четыре минуты сорок шесть секунд я отключу поток горячей воды, а через семь минут — остальную. Не превышайте норму. — Голос Кристи, ровный и неуместный, снова вторгся в моё уединение, оборвав поток воспоминаний.

— Хорошо, поняла, — проворчала я и запустила пальцы в волосы. — Направь шампунь.

— При таком тайминге вы не успеете полноценно промыть волосы.

— Если будешь спорить, то точно не успею.

Поток воды внезапно стал густым и мыльным. Я быстро, почти судорожно, вспенила волосы, чувствуя, как секунды буквально стекают по спине вместе с водой.

— А теперь обычную воду! — крикнула я, стараясь смыть пену.

— Выполняю. Отключение горячей воды через 3... 2... 1...

Вода резко стала ледяной.

— Блин! Опять не успела! — я выпрыгнула из потока, стуча зубами. — Мне кажется, кто-то хитрит со временем!

Выйдя из душа, я схватила огромное банное полотенце и закуталась в него с головы до пят, дрожа.

— Жуть как холодно! Кристи, включи отопление на максимум!

— Включение контурного отопления в летний сезон противоречит энергосберегающим нормам сектора. Могу активировать систему тёплого пола в ванной на пять минут.

— Давай, включай! Вода была ледяная, я замёрзла.

— Я вас предупреждала. Согласно нормам, на водные процедуры отводится не более двадцати минут. В вашем статусе вы, впрочем, можете заказать полную ванну.

— Нет, спасибо, — пробормотала я, растирая кожу полотенцем. — Мне нравится стоять под потоком.

— Тогда помочь больше ничем не могу. Может, приготовить травяной чай для согрева?

— Не надо. Я высушусь и пойду спать. Запусти сушку.

— Это потребует значительного расхода энергии.

— Давай! Я сама потом отчитаюсь перед отцом, если что.

— Хорошо.

Сверху ударил резкий, но не обжигающий поток тёплого воздуха. Я сбросила полотенце и встала посередине комнаты, позволив потоку окутать себя. Чувствовать, как дрожь уходит из тела, было одним из немногих простых удовольствий. Не прошло и пяти минут, как кожа стала совершенно сухой. Я подошла к зеркалу. В стене бесшумно открылось небольшое отделение, и я достала оттуда чистое бельё и мягкую тёплую пижаму. Дверца тут же захлопнулась.

Одевшись, я снова подошла к зеркалу. Взяла расчёску, дотронулась до волос, но не стала их расчёсывать, а просто смотрела на свое отражение.

— Я на неё похожа, — прошептала я, разглядывая свои длинные, почти белые волосы, с такой же волной, и слабая улыбка тронула губы. — Только при определённом свете. И то, наверное, мне только кажется.

Но глаза... Глаза были ярко-голубые, холодные, точь-в-точь как у отца. И курносый нос был тоже его. У мамы, насколько я помню, нос был прямым и тонким. Я была странной мозаикой из них обоих, но в данный момент чувствовала связь только с той частью себя, что была от неё.

— Переход на ночное резервное питание через тридцать минут, — напомнил голос Кристи. — Вам необходимо выпить стакан воды, который я подготовила, и лечь. Это опти-

мально для восстановления вашего организма.

— Иду, иду, — буркнула я, но в голосе прозвучало раздражение. — Как же достали все эти правила...

— Вы выражаете протест против установленных норм? Я обязана зафиксировать и сообщить.

— Нет! — я резко обернулась, как будто могла её увидеть. — Это просто... мысли вслух. Усталость.

— Понимаю. Тем не менее, я внесу запись о вашем высказывании в отчёт для вашего отца. Это часть моего протокола.

— Не надо, прошу тебя, — в моём голосе внезапно прозвучала почти мольба. — Я просто не подумала. Не сообщай.

Пауза. Краткая, но ощутимая.

— Хорошо. На этот раз ограничусь внутренним журналом. Но, пожалуйста, будьте осторожнее в выражениях.

— Спасибо, — выдохнула я, и это «спасибо» было искренним, смешанным со стыдом и облегчением.

Я быстро прошла на кухню, осушила стакан воды залпом и направилась в комнату.

Моя комната была такой же, как у большинства в нашем секторе. Образец рационального использования пространства. Всё необходимое и ничего лишнего. У стены стоял длинный, на половину стены, строгий стол из матового композита. В его поверхность была встроена голоклавиатура, сейчас тёмная и безжизненная. За ним пряталась вся жизнеобеспечивающая техника: бесшумные блоки сушки, стиральный модуль, система очистки воздуха. Всё, кроме кухон-

ного оборудования, было сосредоточено здесь.

Напротив, на мягком ковре цвета пыльной лаванды, стояла кровать. Она не была похожа на обычную мебель. Это была плавная, анатомическая форма из матового, приятного на ощупь полимера, готовая подстроиться под любой изгиб тела. Вся комната освещалась рассеянным светом, исходящим от самого потолка, но один источник был локальным — круглая, небольшая тумбочка рядом с кроватью. Её приглушённая подсветка, обычно нейтрально-белая, сейчас прерывисто мигает недовольным красным — напоминанием о чём-то незавершённом или нарушенном правиле.

Я опустилась на край кровати, и материал слегка подался, принимая форму. Взгляд уперся в этот мигающий красный свет. Он казался единственным живым, тревожным пятном в стерильном, спокойном пространстве.

— Кристи, что с тумбой?

— Сейчас проверю. — Через пару секунд, свет загорелся нежно-голубым: неисправен датчик подачи энергии для заряда. На сегодня я его исправила, перезагрузив, но он может перестать заряжать устройства — эту проблему устраняет мастер.

— Хорошо, вызови его на завтра, пусть починит. Счёт я сама оплачу, отцу посылать не нужно. — Я нащупала на металлическом ошейнике кнопку. — И, Кристи, проследи, чтобы он ничего не взял из дома, как прошлый.

— Хорошо, буду смотреть за ним во все свои глаза.

— У тебя их нет.

Я аккуратно придвинулась чуть подальше на кровать и поближе к тумбе, нажала на кнопку на корсете сзади — он замигал красным. Резкая, уже привычная боль прошла от шеи к низу поясницы. Я вздрогнула. Резкая слабость в ногах, от судороги в спине, их немного вывернуло. Но я этого не чувствую. Все мы не чувствуем. Я аккуратно открепила корсет от шеи, и он, как позвоночник какого-то существа, упал на кровать, немного развернувшись. Я взяла его в руки и с внутренней стороны нажала ещё одну кнопку. Весь «хвост» резко стал засасываться в ошейник. Я наблюдала за процессом, пока в руке не остался только полукруг. Кинула его на тумбу — он засветился зелёным. Заряд пошёл.

Я стала ложиться, сначала взяв руками левую ногу. Легко, в пол-оборота положила её на кровать. В согнутом и безжизненном состоянии это не вызывало восторга. Правую ногу я также обхватила и положила быстро на кровать. Легла на спину и нащупала за ухом небольшой выпирающий бугорок. Нажав на него три раза, аккуратно отделила небольшой имплант от головы. Его микрощупальца немного пощекотали меня, отчего пробежали небольшие мурашки. Посмотрев на него: он не больше фаланги моего пальца, его множественные микропровода или, как мы говорим, «щупальца», двигались хаотично, но очень плавно, и это завораживало меня каждый раз. Его едва заметное голубое свечение придавало этому процессу ещё более фантастический вид. Медуза. Так

мы между собой прозвали это устройство. Меня улыбнула эта мысль, ведь их давно уже нет на нашей планете, как и многих других живых существ. Погладив его по задней стенке, я почувствовала, как щупальца быстро ушли в корпус, и аккуратно поставила имплант на зарядку.

— Ваши сообщения — оставим на завтра? Отключение основной энергии через семь минут.

— Давай те, которые успеем.

— Хорошо. Сообщение от Сферы.

«Подруга, знаешь, кто мне сегодня строил глазки? Я была в шоке — это Линей. Я думала, он меня не замечает, а он подошёл и такой: «Сходим завтра вместе на закрытие выпускников». И-и-и-и-и!. Представляешь? А я такая: «Не такая, ну я подумаю». Вообще-то я с подругой иду. А он такой: «С Эйрой?». А я такая: «Эйри не склоняется, мы не в девятых живём». А он такой: «Я не в обиду». А я такая: «Ну ок». Ой, мне идти нужно, маме помочь, завтра поговорим, люблю тебя».

Я засмеялась. Её непостоянство и позитив заряжают.

— Сообщение закончено. Ещё есть от вашего отца и мистера Ивана-Константина, вашего преподавателя, также из биоинженерного института и от управляющего домом. Времени хватит только на одно.

— Давай от преподавателя, папы мне на сегодня довольно.

— Хорошо, воспроизвожу запись.

«Эйри, добрый вечер. Не знаю, как сказать: со мной сего-

дня связался ваш отец и настойчиво просил не забивать вам голову биоинженерией. Я не могу с ним спорить. Но предлагаю завтра после занятий вам сдать экзамен в правительство, и тогда, я думаю, вам дадут заниматься наукой. И ещё одно: я на диск вам прислал материалы для экзамена в биоинститут, посмотрите, пожалуйста. Я надеюсь, что не обидел вас своим сообщением. Хорошего вечера.»

— Сообщение закончено. До отключения энергии у вас минута. Вы остались без расслабляющей медитации.

— Хорошо, выключаю всё и поставь будильник на пять утра.

— Принято.

Я опустила голову на подушку, и кровать мягко отозвалась. Боковые поддержки плавно приподнялись, обнимая бёдра и плечи, создавая ощущение лёгкой, но уверенной поддержки. Под коленями материал чуть приподнялся, снимая остаточное напряжение с бесчувственных ног. Я положила руки вдоль тела, и в тот же момент откуда-то из глубин матраса начал исходить мягкий, вибрирующий гул.

Крошечные шарики под поверхностью пришли в движение, создавая волну тёплых, ритмичных импульсов вдоль спины. Массаж начался, как всегда, почти незаметно. Они не давили, а скорее перекачивались, разминая усталость, накопленную за день. Подушка под шеей слегка надулась, обеспечивая идеальную опору, и от неё пошли такие же мягкие, круговые вибрации, растворяя последние узлы напряжения

у основания черепа.

Тело налилось тяжестью, но это была приятная, желанная тяжесть полного расслабления. Веки стали невесомыми и сами опустились. Дыхание выровнялось, слилось с тихим гулом кровати. В последний момент осознанности я почувствовала, как матрас едва заметно скорректировал изгиб в районе поясницы, и...

Я провалилась. Не в темноту, а в тёплое, безмятежное небытие, где не было ни экзаменов, ни отца, ни усталости. А только тихий гул технологии, несущий в древнее, первобытное царство сна.

Глава 2

Лес. Густая, высокая трава, мокрая от ночной росы. Всё вокруг затянуто серебристым, плотным туманом, который искажает формы и поглощает звук. Я остановилась, осматриваясь. Огромное древнее дерево стояло передо мной. Его ствол такой широкий, что не обхватить. Я подняла голову: его ветви, чёрные на фоне ночного неба, сплетались в плотный навес, сквозь который не пробивалась ни одна звезда.

Мне дико захотелось его обнять. Прикоснуться к коре, почувствовать её шершавость. Я сделала шаг. Оно вроде бы совсем близко, в паре метров, но расстояние не сокращалось. Я шла, а сырой и пронзающий холод всё глубже забирался под мою кожу.

Я посмотрела на себя. На мне были какие-то лёгкие, не по размеру широкие штаны грязно-серого цвета и простая белая футболка, которая теперь была в пятнах земли и мха. Такую одежду не носили уже лет пятьдесят. Это было... из прошлого. Из чужого прошлого.

Дерево. Мне нужно до него дотронуться.

Из белого марева тумана слева донёсся голос. Мужской. Низкий.

— Эйра. Подойди сюда.

Я обернулась, вглядываясь в молочную пелену. Ничего.

— Папа? Я тебя не вижу. Куда идти?

— Сюда. Я здесь.

— Мне нужно дойти до дерева, — упрямо сказала я, делая ещё шаг.

— Нет. Иди назад.

С каждым моим движением вперёд его голос становился тише, удалялся, растворялся в тумане. Я не останавливалась.

И тогда справа, совсем близко, прозвучал другой голос. Женский. Тёплый и такой знакомый, что сердце сжалось в груди.

— Эйри... Доченька...

— Мама? — я замерла, сердце заколотилось. — Мама, где ты?

— Я здесь, моя беловолосая девочка...

— Мама!

Оглушительный, пронзительный писк разорвал тишину леса. Потом зазвучала музыка. Навязчивая, электронная, совершенно чужая здесь.

Я открыла глаза. Всё тело было покрыто холодным потом, сердце бешено стучало, отдаваясь в висках. Ладонь непроизвольно сжалась, будто в ней всё ещё чувствовалась шершавая, мокрая кора. Запах гниющих листьев и сырой земли стоял в ноздрях, хотя воздух комнаты был стерилен.

«Это просто сон, просто сон», — твердила я себе, но ощущение ледяной росы не отпускало.

— Эйра, ваши показатели сна вышли за рамки здоровых параметров. Уровень стресса повышен на двадцать процентов. Записать вас на приём к сомнологу? — голос Кристи звучал ровно.

Я перевела дух, осознавая, где нахожусь. Потолок, знакомые очертания комнаты. Шторы уже были раздвинуты, и в окно лился, невероятно красивый, глубокий синий с розовыми и персиковыми прожилками зари, мягкий свет раннего утра.

— Могла бы для начала сказать доброе утро, — я потёрла ладонями лицо, чувствуя, как дрожь от сна медленно отступает. — А потом уже читать нотации. Кто с утра пораньше так грузит мозг? И вообще, мне нравится имя Эйри. Я вроде бы просила меня так называть.

— Доброе утро, Эйри. За ночь система стабилизации переворачивала вас двенадцать раз для оптимального кровотока. Однако фазы глубокого сна были нарушены, наблюдалась повышенная двигательная активность конечностей. Я настоятельно рекомендую пройти обследование.

— Я живой человек, Крис! Может, мне просто плохой сон приснился? Ты об этом не подумала?

Кровать мягко приподняла изголовье, помогая мне сесть.

— Я не думаю. Я анализирую данные. Любое отклоне-

ние от ваших индивидуальных норм требует внимания. Если вы откажетесь от обследования, я обязана буду сообщить об этом.

— Ладно, ладно, не занудствуй, — я спустила ноги с кровати, — записывай к врачу. Довольна?

— Это разумное решение. Я одобряю это. По вашему расписанию: утренние процедуры, затем пешая прогулка. Вы ведь помните, что сегодня необходимо пройти пять тысяч шагов вместо обычных трёх на дорожке?

— Шантажистка, — пробормотала я себе под нос, вставая.

— Я обязана сообщ...

— Всё, хватит! — подняла руку, хотя это бесполезно. — Помолчи с утра хоть немного. Я ещё не в настроении тебя слушать.

Утренний спор с искусственным интеллектом — именно то, чего мне сейчас не хватало. Я потянулась, стараясь разогнать остатки тяжёлого сна, но образы цеплялись за сознание, оставляя после себя странный, щемящий осадок. Этот сон был на что-то похож. На что-то важное.

Я посмотрела на тумбу — она опять горела красным.

— Надеюсь, всё зарядилось.

Взяв корсет, я нажала на внутреннюю часть, выпуская хвост, и он стал выползать из ошейника. Когда процесс был закончен, я надела полусферу на шею, холодный металл дотронулся до спины — неприятное, но привычное ощущение

по утрам. Опёршись на руки, я немного приподняла корпус тела и переместилась в бок. Теперь остатки хвоста можно спокойно расположить по обе стороны. Кинув остальную часть рядом с ногами, я нажала кнопку.

Змея на спине резко прилипла к позвоночнику, металл ударил по бёдрам и начал потихоньку прилипать к ногам.

Интересно, если бы я их чувствовала, мне было бы больно? Этот вопрос заставил вспомнить сон. А там на мне был корсет? Я взяла имплант, постучав по нему три раза, и он опять выпустил свои щупальца. Поднеся аккуратно за ухо, они вошли под кожу.

— ТЭК активирован, звонки и сообщения активированы.

— Проверь корсет.

— Корсет активирован, заряд семьдесят пять процентов.

— Кристи, — обращаясь в стену, — почему так мало процентов? Что-то не так?

— Возможно, из-за неисправности зарядного устройства, он не до конца зарядился, но при этих процентах, вам хватит заряда на шестьдесят шесть часов. Можете не переживать.

— Хорошо.

Встав легко с кровати, я пошла в ванную.

— Прослушать оставшиеся сообщения. Начни с управляющего домом.

Я поднесла руки к раковине, и на них полилась ледяная вода. Я вздрогнула. В этот момент в моей голове зазвучал голос.

— Эйра, должен вас уведомить, как и всех жильцов. Завтра будут проверять работу подачи воды и нагревательных приборов. Так что подачи горячей воды не будет, также будут отключены автоматически все нагревательные элементы в ванной. Надеюсь, что это не испортит ваше впечатление о нашей компании. Хорошего вам дня. Спасибо за понимание.

— Вот же... — как хочется выругаться в этот момент. — На дворе какой век? А мы не можем справиться с отключением воды.

Я быстро умыла лицо и почистила зубы, полоскать рот ледяной водой — то ещё удовольствие.

Сообщение из биоинститута.

— Добрый день, получили ваши результаты тестов, если вам всё ещё хочется прийти к нам на собеседование и экзамен, мы вас ждем, сообщите день и время вашего прихода. Хорошего дня.

— Кристи, — закончив свои утренние процедуры, — напиши ответное сообщение в институт биоинженерии. «Спасибо за оценку моей квалификации, мне будет приятно подойти к вам на собеседование завтра после 15:00.»

— Сообщение отправлено. Включать сообщения от вашего отца?

— Давай. — Непроизвольно напряглись мышцы в плечах. «Сообщение от абонента “папа”.»

— Эйра, я не договорил, я понимаю твою позицию, но пока я твой отец и знаю, как будет правильно. Ты мне потом

спасибо скажешь. Ты просто не понимаешь, какие возможности ты можешь потерять. Я не вечный.

— Сообщение закончено. Следующее сообщение прислано сегодня от того же абонента:

— Я вчера погорячился, понимаю. Мне важно твоё будущее. Пожалуйста, не пропусти экзамен сегодня. Сдай на отлично, чтобы я мог тобой гордиться. Я... я и так горжусь, но будь чуть благоразумнее, ты уже не ребёнок. До встречи.

Я вышла из ванной, прошла на кухню и, почти не глядя, взяла с идеально чистого стола персик. Его кожура была глянцевой и неестественно ровной — продукт гидропонных ферм.

— Кофе, — произнесла я в сторону кухонной панели.

Небольшая, встроенная в столешницу кофемашина беззвучно ожила. Через секунду воздух наполнился густым, горьковато-пряным ароматом. Это был один из немногих запахов, которые казались настоящими в этом мире синтезированных ароматов. Я смотрела, как тёмная струйка напитка наполняет белую керамическую кружку. Интересно, а каким был кофе сто лет назад? Его тоже делали из порошка? Или из настоящих зёрен?

Машинка тихо пискнула, извещая об окончании цикла. Я взяла кружку, ощутила её тепло и сделала первый глоток. Горячая, почти обжигающая жидкость с характерной горчинкой разлилась по вкусовым рецепторам, и в мозгу будто щёлкнул тумблер. Остатки тяжёлого сна и утренней раздра-

жительности начали отступать, растворяясь в этом простом, древнем удовольствии.

— Пора приступать к утренней активности. Употребление кофеина без предварительного стакана воды не рекомендуется для гидратации. Завтрак, состоящий только из одного модифицированного фрукта, является недостаточным, — голос Кристи прозвучал из скрытого динамика, как предсказуемый звуковой фон.

Я поставила кружку на стол с чуть более громким, чем нужно, стуком.

— Какая же ты зануда, Крис.

— Термин, «зануда», не имеет чёткого алгоритмического эквивалента. Моя функция — оптимизировать ваше самочувствие.

— Ага, конечно. Где моя дорожка?

— Переносной тренажёр находится в вашей сумке. Сумка расположена в прихожей, слева от входной двери, на полу. Вы оставили её там вчера вечером.

Я скривила губы в преувеличенной гримасе и, убедившись, что камера меня видит, показала язык.

— Бла-бла-бла.

— Подобное поведение считается социально незрелым для человека вашего возраста и статуса.

— Ой, прекрати!

— Вы пытаетесь затянуть диалог, чтобы отсрочить начало тренировки. Это очевидно.

— Да ты меня раскусила, — без тени смущения призналась я.

В прихожей я взяла ярко-зелёную сумку — странный всплеск цвета в моём минималистичном пространстве. Что мной двигало, когда я её покупала? Достала оттуда компактную прямоугольную панель размером с лист бумаги и толщиной в палец.

Вернувшись в комнату, положила панель на пол.

— Активация дорожки. — Чуть прикрикнула я на прибор.

Устройство отозвалось мягким щелчком. Его поверхность засветилась, и из краёв начали выдвигаться тонкие секции, формируя беговое полотно чуть шире моих плеч и около метра в длину. Оно было совершенно плоским, но в воздухе на уровне моей груди всплыл голографический интерфейс с цифрами, иконками и ползунками.

Я встала на полотно, почувствовав под ногами упругий, чуть пружинящий материал. Провела пальцем по голограмме, выставив цель: 3500 шагов. В левом углу ткнула в иконку — уклон, подняв его до двадцати процентов. Затем, без особого энтузиазма, нажала на большую синюю кнопку «Старт».

Под ногами полотно плавно пришло в движение, заставив меня сделать первый шаг. Я пошла на месте, глядя сквозь голограмму.

— Кристи, включи файлы от преподавателя, пока я хожу, после включи последнюю лекцию про магниты из биоразла-

гаемого металла. И если останется время, так уж и быть, билеты в аудиоформате для сегодняшнего экзамена.

— Хорошо, включаю запрос.

На белой стене около кровати загорелся экран. На нём стали появляться папки с названиями; вода рукой по воздуху вниз, вверх, вправо, влево, я могу переключать всё, что мне нужно. Спустя примерно полчаса дорожка остановилась.

— Прошу прощения, но вы не прошли пяти тысяч шагов, вам нужно ещё полторы тысячи шагов.

— Не бубни, мой вес упал, ты сама вчера видела, а шаги я ещё нахожу за сегодня. И, по-моему, уже почти шесть, мне нужно собраться и выходить. Разве я не права?

— Да, вы можете опоздать на лекцию в шесть тридцать утра.

— Вот видишь, — я встала с дорожки, нажав на характерный знак на экране — «складывающийся прямоугольник». Дорожка сложилась до своих прежних размеров. Я подняла её с пола и убрала в сумку. Посмотрела во второй отсек, убедившись, что небольшая клавиатура лежит там. Закрыла сумку на замок.

В голове раздался голос.

Новое сообщение из института биоинженерии:

— «Эйра, получили ваше сообщение, ждём вас завтра в 15:30 в институте, на третьем этаже. Аудитория справа, номер триста два».

— Кристи, запиши напоминание на завтра, за час до...

события.

— Напоминание установлено. Вам необходимо потребовать больше белка. В верхнем ящике есть батончики из сушёного белого мяса с высоким содержанием протеина. Возьмите с собой.

— Уговорила. Отправь ещё сообщение Сфере: «Выхожу. Встретимся у главного входа в Институт».

— Сообщение отправлено. Перевести все дальнейшие уведомления и вызовы на ваш ТЭК?

— Переводи. И не забудь про визит мастера сегодня днём.

— Моя память не имеет функции забывания.

Я подошла к стене в комнате, нажала на неё — открылся гардероб. Точнее, большой экран и большое зеркало с голографическим интерфейсом.

— Итак, что мне надеть? — провела пальцем по холодной поверхности, вызывая меню гардероба.

— В трендах этого сезона ретро-футуризм шестидесятых: яркие принты, короткие облегающие низы и объёмные графические верха. Преобладающие цвета — неон и серебро. Однако в вашем цифровом гардеробе подобных моделей нет.

— Я не спрашивала консультацию стилиста.

Посмотрев на галозэкран, я начала искать подходящую одежду, прокручивая голографические изображения. Выбрала короткий белый топ без рукавов и серебристую куртку лёгкого кроя, чуть прикрывающую талию. К ним — широкие штаны-бананы того же серебристого оттенка с накладными

карманами и простые белые кроссовки. Нажала на выбранные иконки, подтвердив заказ.

Сняла пижаму и бросила её в открывшийся в стене приёмный люк для грязной одежды. Рядом тут же отъехала в сторону дверца в узкую вертикальную кабину, чуть шире моих плеч. Я зашла внутрь.

Кабина мягко закрылась. Зелёные линии сканирующих лазеров пробежали сверху вниз, считывая мои параметры. Затем с лёгким шипением из многочисленных форсунок на стенах начал распыляться охлаждённый жидкий полимер. Он касался кожи, почти не ощущаясь, и мгновенно твердел, принимая запрограммированную форму. Сначала топ, плотно облегающий торс. Затем куртка — её лёгкая, но структурированная ткань. Потом штаны, материал которых сразу стал мягким и податливым. В последнюю очередь на ногах сформировались кроссовки. Застёжки — невидимые магнитные замки — щёлкнули у меня на спине сами собой. Свет в кабине сменился на нейтральный, и дверь открылась.

Интересно, что с появлением корсетов стало модно делать дополнительные застёжки сзади. Чтобы в крайнем случае одежду не резали.

Подойдя к зеркалу, я увидела, что волосы сильно растрепаны. Так дело не пойдёт. Воспользуюсь вечной классикой — высоким хвостом. Быстрыми движениями я собрала волосы, сделав гладкий, почти нарочито строгий пучок у затылка. Затем легким движением пальца по виску активиро-

вала встроенный в ТЭК модуль, «стиль» и выбрала вариант с чёткими белыми стрелками на веках. Тонкие светящиеся линии моментально проступили на коже, держась на временном красителе.

Кристи, как по расписанию, снова ожила в тишине комнаты.

— Вам пора выходить, иначе можете опоздать.

Я подошла к кухонному блоку, открыла указанный ранее ящик. Внутри лежали аккуратные, обёрнутые в биоразлагаемую плёнку батончики из сушеного белого мяса. Взяла один и сунула в карман объёмных штанов.

— Уже выхожу, — стоя у порога, я схватила сумку. — Закрой за мной.

— Хорошего дня вам.

Я не ответила и пошла к лифту, смотря на три двери, я нажала кнопки на двух. Третий — для колясочников. Хотя в нашем доме я их не видела вроде.

Нервно подёргивая рукой, отбивая явно какой-то мотив из головы.

Лифт не ехал.

А может, блин, ну всё же.

Я смотрела на лифт для колясок. Ладно, была не была, может, никто и не заметит. Я нажала кнопку.

ТЭК: Сообщение от Сферы:

— Я в кофейне у мамы, тебе взять новый напиток? Он со вкусом цитруса и арбуза: на кофе или на кислороде?

— Послать ответ. Странное сочетание, ну давай на кофе. Спасибо. Я потом рассчитаюсь.

ТЭК: — Ответ отправлен.

Двери лифта открылись, и я зашла. Не успев проехать до первого этажа, лифт остановился.

— Вот же подстава, это нехорошо.

В лифт заехал мужчина лет пятидесяти, с бело-седой головой. Увидев меня, нахмурился, чуть прижав меня своей коляской к стене.

— Эй, вы! — хриплый окрик заставил меня вздрогнуть. — Нечего в неположенных местах стоять. Вам не объясняли, что это нарушение закона? Или вам на двух ногах не видно совсем? — его жёсткий голос давал понять, что он явно очень недоволен.

— Прошу прощения, просто я опаздываю... Не думала, что у нас есть колясочники. — закусив губу, сожалея сразу о сказанном.

— А что, я не человек? Или это слишком элитный дом для меня? Так вот, дорогуша, не вам это решать, ясно? — его густые брови сдвинулись от злости.

— Я не это хотела сказать, ко всем отношусь на равных. — Мне стало стыдно за поведение. — Простите.

Он округлил глаза:

— Я удивлён. В этом доме, мало кто может просто извиниться. Я не буду докладывать на вас.

Двери лифта открылись, он задумался, и коляска поехала

вперёд. Я вышла следом.

— Спасибо большое, у меня просто нервное утро, — хоть я и торопилась, но не стала обгонять колясочника.

— Без горячей воды всегда так, — он обернулся и посмотрел на меня. Двери в холле открылись.

— Я вижу вам не до моих разговоров, бегите по делам. Я хоть и на новой версии своего аппарата, — провёл рукой по чёрной коляске на воздушной подушке, — но вам неудобно, я вижу. Обходите меня спокойно.

Мне немного стало неуютно, но, понимая, что я и правда опаздываю на лекцию, всё же обошла его.

— Спасибо и хорошего вам дня.

— И вам, — теперь он мне улыбнулся.

Не став продолжать разговор и обмен любезностями, ускорив шаг, я побежала через двор на остановку.

Подойдя к прозрачной купольной остановке, зашла внутрь. Воздух внутри был чуть прохладнее уличного и пах кварцевой свежестью. Я подошла к сенсорному экрану.

— Выберите маршрут, — попросил безличный голос.

— Кристаллическая улица, Главный университет.

— Вы передвигаетесь на ногах или используете персональное средство?

— На ногах.

— Транспорт будет через пятьдесят семь секунд. Оплата чипом?

— Да.

Я повернулась ухом с имплантом к маленькому тёмному сканеру у стойки. Раздался короткий, одобрительный звук.

— Оплата подтверждена. Пожалуйста, выйдите на посадочную площадку. Остановка транспорта составит двадцать секунд в связи с выбранным вами статусом «На ногах». Хорошей поездки. Спасибо, что пользуетесь услугами городской транспортной сети.

Я автоматически вышла наружу, и почти сразу из-за поворота, бесшумно скользя в сантиметре над дорожным полотном, подплыл аэробус. Его корпус был выполнен из матового тёмно-серого стекла, на большой воздушной подушке, а вдоль бортов тянулась светящаяся голубая полоса. Двери раздвинулись беззвучно.

Я зашла в салон. Внутри было светло и просторно. Сиденья — не отдельные кресла, а гладкие, изогнутые лавки вдоль стен, покрытые мягким, самоочищающимся материалом цвета тёмного шоколада. Полупрозрачные перегородки делили пространство на зоны, а в потолке мерцала расслабляющая световая инсталляция, имитирующая движение облаков.

Людей было немного. Пара студентов, общающихся в ТЭКах, несколько человек в деловых костюмах, уставившихся в пространство перед собой, — вероятно, не местные. Большинство уже были на работе или учёбе. Мне повезло застать относительно пустой салон.

Найдя свободное место у окна, я присела на край лавки.

— ТЭК, включи лекцию по истории корсетов. Ускорение в три раза, — произнесла я едва слышно, всё же мельком осмотревшись. Никто не обратил на меня внимания. Впрочем, в общественном транспорте замечают обычно только нарушения, а не людей.

В ушах зазвучал размеренный, слегка механизированный голос лектора.

— Лекция активирована. На ключевых моментах воспроизведение будет замедлено, — подтвердил ТЭК. — Также напоминаю: ваше первое занятие начнётся через семнадцать минут.

— Знаю, знаю, — мысленно отмахнулась я.

За окном поплыли знакомые улицы, а в голове застучал сухой пересказ дат, имён изобретателей и адаптации населения к вспомогательным каркасным системам. Я смотрела на город, стараясь уловить суть ускоренной речи, но мысли уже бежали вперёд — к институту, к экзамену, к встрече со Сферой. Эти тринадцать минут поездки были лишь короткой передышкой, последним островком относительного спокойствия перед новым витком дня, распланированного до минуты.

Я посмотрела ещё раз по сторонам: со мной больше никто не выходит.

— Остановка «Главный Университет», выходит один человек, просьба не забывать вещи и смотреть под ноги.

Я быстро выбежала, хорошо, что главный вход сразу на-

против остановки.

Здание не просто стоит — оно сильно выделяется на фоне других. Старый костяк, тот самый, из песчаного камня и ампирного чекана, теперь обёрнут в футляр из сияющего прозрачного алмазополимера. Сквозь эту вечную, неуязвимую плёнку видна кладка XX века, как застывшая в янтаре древность. Колонны уходят ввысь, но теперь между ними колыхается световой занавес — постоянно меняющийся поток сведений на всех языках: расписание, квантовые новости, приветствия для новых студентов.

Легендарный шпиль. На вершине виднеется миниатюрное голубое солнце, конечно, сделано искусственно, но это чистая энергия для того, чтобы наш угол не зависел от скачков энергии. Он не горит. Он пульсирует ровным, разумным светом, синхронизируясь с ритмом корпуса.

Я на минуту задумалась, о том, как раньше могли люди делать такое — не однообразное величие.

— Эйри, ну ты чего застыла? Мы опоздаем. — На крылечке стояла Сфера и махала рукой, во второй у неё были напитки.

Она всегда гналась за модой и яркостью: её короткая стрижка тёмно-каштанового цвета с очень длинной чёлкой на конце которой зелёный цвет, доказывала это. Она тоже в серебристом, как и я. Правда, как сегодня описывала Кристи моду, также и Сфера решила одеться. Я поднялась быстро по лестнице к ней, чуть ниже меня ростом девушка повторила:

— Мы опаздываем, — всучив мне напиток, — держи, это от мамы тебе в подарок, стакан разложится через два часа.

— Не стоило, я заплачу. — Она, подхватив меня за руку, даже не стала слушать. — Я серьёзно.

— И я. Ты знаешь, с моей мамой спорить нельзя, — подойдя к дверям, — мы опаздываем.

Посмотрев в глазок:

— Добро пожаловать, студент 4588, проходите.

Следом быстро подошла я:

— Добро пожаловать, студент 4581. Ваша пара начинается через минуту, поспешите.

Мы дружно переглянулись, двери открылись автоматически, и мы зашли внутрь. Большой холл также с нотками нашего времени, но всё в том же стиле XX века. Мы быстро пошли на лестницу и побежали на четвёртый этаж.

— Ну почему у нас первая лекция так далеко? Мы уже опоздали, — она поправила металлический ошейник. Он не был похож на мой. Более старая версия, этот был на всю шею и закрывал почти все горло, не считая небольшой щели посередине.

— Натирает? — повернувшись, запыхавшимся голосом спросила я.

— Да, как всегда. Больше беспокоят крылья на лопатках, они иногда до ран съезжают по спине, — она убрала руку с горла.

— Твоя очередь на новый не подошла ещё? Может, мне с

папой поговорить? — с небольшой одышкой, дойдя до четвёртого этажа, сказала я.

— Не стоит, смотри как ты задыхаешься от него, а мой на себя всю усталость забирает, — она улыбнулась и толкнула меня легонько в плечо. Её позитив в любых вещах очень даже кстати.

— Хорошо, но если что, скажи мне, ладно? — я улыбнулась в ответ, смотря по сторонам. — Вот наша аудитория, — показывая на ближайшую дверь к нам.

Заходя в аудиторию, я на секунду замерла на пороге. На стене в рамке висела старая, потёртая ботаническая иллюстрация. Огромное дерево с раскидистыми ветвями. По спине пробежал холодок.

Сфера толкнула меня в бок:

— Чего встала?

— Ничего, пошли на занятие, — выдавила я.

Глава 3

Мы влетели в аудиторию. Остановившись в дверях, я смотрела на нашего преподавателя. Он не был против корсетов, но по каким-то своим причинам предпочитал коляску. Его взлохмаченная причёска, кажется, отражала его характер. Он не отходил от стиля своей молодости, а это лет сорок назад. Всё те же ярко-фиолетовые волосы с чёрными концами. Мы привыкли видеть людей на улице за пятьдесят, с таким же видом. Строгий костюм тёмно-фиолетового, почти чёрного цвета всегда казался немного несуразным на человеке его возраста. Но всё выглядело довольно по-учительски. Очки прямоугольной формы без рам и дужек подчёркивали его и без того немаленький нос. Коляска была последней разработанной версией, с воздушной подушкой, как у транспорта на улице; ей не нужны были колёса, хотя для безопасности они там были, но чаще сложены, как шасси из сказок про мистические летательные аппараты. Этот красивый матово-чёрный аппарат, управлялся полностью мыслями его владельца.

— Так-с, — посмотрев на нас из-под бровей, — кто у нас тут?

Мы со Сферой стояли, прижимаясь к двери.

— Четыре тысячи... — начала говорить я свой номер.

— Не нужно мне ваших номеров, я вас и по именам пре-

красно знаю: Эйра и Сфера. Какие прекрасные имена у таких непостоянных девушек.

— Можно войти? — протяжно спросила Сфера.

— Да, но только у тебя в шесть часов сегодня другая лекция, и она уже как полчаса идёт. Разве ты не смотришь своё расписание?

— Что? — её зелёные глаза стали ещё больше. Она посмотрела на браслет, нажав на него сбоку, — голографический экран показался синим свечением. Она, быстро перебирая пальцами по нему, нашла расписание:

— Вот же семь верховных! — выругалась она.

— Сфера, поаккуратнее с выражениями в стенах знаний, — не злобно, но осуждающе посмотрел на неё преподаватель.

— Простите, сегодня в пять утра мне поменяли пары, я не была в курсе, простите, — её глаза забегали в панике.

— Так что же вы еще здесь? Бегите уже, а то вас могут не пустить.

Всё это время, я переживала за подругу: опоздание, а тем более пропуск — это серьёзное нарушение.

— Ага, убегаю, извините, — посмотрев на меня. — Я буду на втором, встретимся потом, у меня, оказывается, безопасность сейчас.

— Хорошо, лети, — я махнула рукой ей вслед, но она меня уже не видела, так как убегала со всех ног.

Элисар, перевёл взгляд на меня:

— Ну-с, а у вас какое оправдание? — улыбнувшись лишь краем уголка губ, но взгляд оставался очень серьёзным.

— Нет оправданий, можно войти? — зачем оправдываться, когда это всё равно не поможет.

— Хорошо.

Аудитория гудела, как улей, собранный из двух разных цивилизаций. Справа, у широких, лишённых ступеней проходов, мерцали индикаторы самоходных кресел. Их владельцы — «маневренные», как они сами себя с гордостью называли, — легко лавировали между рядами, тихо жужжа и переговариваясь, соединяясь в импровизированные круги. На спинках кресел мелькали голограммные наклейки: комиксы, лозунги, портреты виртуальных идиолов. Слева царила стоячая зона. Те, кто был в корсетах нового поколения или просто «каркасники», занимали пространство у высоких консолей-пюпитров. Здесь можно было и стоять без малейшей усталости, и в любой момент мягко опуститься на встроенное в консоль сиденье.

Я быстро прошла вглубь, к своему привычному месту у центрального окна. Первые ряды, отданные под самоходы или коляски, были заняты — там было удобнее выезжать, не мешая другим.

Я встала у своей консоли, положив ладони на прохладную поверхность. Стоять было естественно, почти как дышать: корсет брал на себя всё, оставляя лишь ощущение лёгкой, едва уловимой поддержки, словно невидимая рука страхует

тебя каждую секунду.

Я бросила сумку из переплетённых светящихся волокон на свободное место рядом. Никто не трогал чужие вещи — неписаное правило. Я достала одной рукой компактную клавиатуру. Нажатие кнопки — и из её торца вырвался конус ярко-синего света. В воздухе, на уровне моих глаз, материализовался основной экран, слегка мерцая, как мыльный пузырь, наполненный данными. Я бросила взгляд на преподавателя в дальнем конце зала, шурясь. Лёгкое движение пальцем по парящему экрану, нажатие на плюс. Сверху, точно так же из ничего, возник второй экран — прицельный. Двойной щелчок в воздухе, и изображение на нём прыгнуло вперёд. Учитель теперь был как будто в шаге от меня, так что я могла видеть даже морщинки у его глаз.

Последний штрих: лёгкое касание иконки с символом глаза. Система ИИ «Фокус» тихо пискнула в моём импланте, подтверждая активацию. Теперь увеличение будет следовать за преподавателем автоматически, а при необходимости — молниеносно переключаться на рабочую доску, фокусируясь на новых символах. Преподавателя было прекрасно слышно благодаря моему импланту, а он всегда очень тихо разговаривал, так что это спасает.

— Так-с, — раздался размеренный голос педагога, и тишина в аудитории стала ощутимой, почти материальной. — Половина лекции в архив, но основы знать необходимо. Вам, будущим управленцам системы, это не роскошь, а инстру-

мент. — Он обвёл взглядом ряды, где многие избегали прямого контакта. — Вопрос на понимание сути: с какого конкретного рубежа начался отсчёт современного мирового порядка? Не история вообще, а именно наш уклад.

Он скользнул взглядом по интегрированной в стол панели управления. Перед каждым студентом на встроенных экранах горел индикатор готовности, система считывала биометрию: пульс, микромимику, фокус взгляда. Зелёный — уверен, жёлтый — сомневается, красный — знает ответ и готов его отстаивать. Красных огоньков было мало.

— Красный — это цвет компетенции и решимости. Его, как вижу, дефицит, — констатировал он без эмоций, но в голосе прозвучала знакомая всем сухая ирония. — Что ж, в честь заключительного дня сделаем исключение из правил. Право выбора — за мной, а не за системой. Его методичный и тяжёлый взгляд начал движение по рядам. Я бессознательно замерла, стараясь сделать лицо нейтральным, но система уже всё зафиксировала. Траектория была предопределена.

— Наша уважаемая опоздавшая, — его голос приобрёл отчётливую, направленную ко мне мягкую жёсткость. — Предлагаю реабилитироваться. Осветите нам отправную точку.

Я внутренне вздохнула. Так и знала. Мельком окинула взглядом соседей. В ответ — только отстранённое любопытство или погружённость в свои экраны. Спасения не будет. Я расправила плечи, почувствовав, как корсет мягко поддер-

живает спину. Глубоко вдохнула и чётким движением нажала на парящем передо мной интерфейсе иконку подключённого микрофона. Лёгкий системный щелчок отозвался в ухе через ТЭК. Теперь мой голос, очищенный от посторонних шумов и усиленный, будет слышен в каждом уголке аудитории, превращая личный ответ в публичное выступление.

— Вы приступите или нам ждать окончания занятий? — его взгляд стал серьёзным, почти давящим. — Всё-таки последний день. Страх уже быть не должно. Или вы, Эйра, решили, что уже можно расслабиться?

По аудитории пробежал неодобрительный, едва слышный гул. Для меня он был пустым звуком.

— Конечно, — я сделала ещё один вдох, быстро выстраивая в голове хронологию. — Всё началось в сентябре 2040 года. Тогда люди ещё ходили на двух ногах сами... — я на секунду запнулась, осознавая, как дико это звучит сейчас, — ...то есть без помощи корсетов. В инвалидных колясках тогда был лишь небольшой процент населения.

Я видела, как несколько студентов переглянулись. Для них это была уже древняя, почти мифическая история.

— Прогресс шёл. Первые прототипы наших корсетов уже существовали, но их называли экзокорсетами или экзоскелетами. Они были громоздкими, — я жестом показала размер, — и по технологии в них можно было только стоять или идти. Чтобы сесть, устройство приходилось снимать. Должно быть, это было жутко неудобно.

Я невольно улыбнулась, представив на мгновение этих неуклюжих «кибер-пешеходов» прошлого, похожих на космонавтов, застрявших на Земле.

— В мире тогда было много конфликтов. Целые страны, — я сделала паузу, давая осознать это слово, ведь сейчас у нас только колонии, — стирали друг друга с лица земли. Из-за этого, кстати, у нас до сих пор дефицит чистой воды и экопродуктов. А в том самом 2040-м одна из сторон, стремясь к лёгкой победе, разработала вирус. Мы до сих пор не знаем имени его создателя. Идея была в том, чтобы временно парализовать противника. Но что-то пошло не так...

Я замолчала, глядя на свои руки, лежащие на столе. Следующий шаг в повествовании был всем хорошо известен, но произносить его вслух всё равно казалось чем-то личным, почти болезненным.

— У людей массово начали отказывать ноги. Сначала все думали, что это мутация более ранних вирусов — Армагеддона 2030-го, который бил по нервной системе, или того самого Ковида из 2020-х, атаковавшего лёгкие. Но это было что-то новое. Что-то... навсегда.

— Не отходите от темы в лирику. Продолжайте, — преподаватель мягко, но настойчиво вернул меня к сути.

— Хорошо, — я наконец сделала глоток того странного напитка, что мне передала подруга. Вкус был... интересный, но абсолютно не мой. Я слегка скривилась. — К 2043 году людей, способных ходить самостоятельно, осталось меньше

пяти процентов. Прогрессия была катастрофической. Государства не понимали, как выживать. Ведь ни инфраструктура, ни экономика не были приспособлены под новую реальность. Все ещё надеялись, что эффект временный, что всё «пройдёт само». Но когда в 2044 году не родилось ни одного ребёнка со способностью ходить... вот тогда и начали действовать, точнее паниковать.

— Ваше мнение о причинах катастрофы? — уточнил он.

— Я думаю, все правительства того времени были слишком заняты сиюминутной выгодой и конкуренцией. Они старались не замечать проблему, пока это было возможно. Даже в новостях тогда писали: «Не бойтесь, всё пройдёт». Эти лозунги были на всех континентах. «Вирус скоро отступит», и так далее. — Я замолчала на секунду, собирая свои мысли. — Но моё мнение... паники и тех страшных жертв можно было избежать. Ещё задолго до 2040-го. Пусть такого вируса и не было, но ведь и до него ничего не делалось для... для тех, кого тогда называли... — я взглянула на преподавателя. Он слушал, не отрываясь. — Вспомнила. Для инвалидов. Для людей с ограниченными возможностями. Не было ни доступной среды, ни специального транспорта, ни элементарных удобств в общественных местах. Именно это долгое игнорирование небольших проблем в итоге привело к тотальной беспомощности и панике, когда проблема стала всеобщей.

Я сделала паузу, чувствуя, как тяжело даются эти слова.

— И ещё... о детях задумались только в 2044-м. О целом поколении, которое уже никогда не сможет ходить. А до этого четыре года просто делали вид, что ничего не происходит. Конечно, это вылилось в ужас 2045-го — когда культ Безногих захватил умы. Люди были морально сломлены, раздавлены нищетой, выживанием и беспомощностью... И случилось то самое массовое самоубийство. Более миллиона человек за один день... В мире, где к 45-му году население уже сократилось до восьмидесяти миллионов... это была национальная, нет, общечеловеческая травма.

В аудитории стояла гулкая тишь.

— Культы сохраняли власть ещё долго. Пока все эти старые «страны» не рухнули окончательно. Пока население Земли почти полностью не исчезло. И только тогда... люди начали учиться жить заново. Благодаря нашей колонии — тем немногим лидерам, которые не побоялись взять на себя ответственность. Без колебаний они начали строить новый мир. И сейчас, сто лет спустя, мы можем стоять, учиться, строить будущее. Они дали людям не просто работу, а смысл. Заменили деньги системой баллов... — Я на мгновение замолчала, подбирая последние, самые важные слова. — Они дали людям причину жить. И показали, что это возможно. Не словами, а своим примером.

— Очень хорошо, — преподаватель медленно кивнул, и в его голосе прозвучала редкая, скупая похвала. — Вижу, вы не просто простаиваете мои лекции. Но тогда возникает во-

прос: почему же случился Бунт 2123-го? Он тоже немало изменил. Длился почти четыре года. Большинство из вас тогда только родились.

Он сделал паузу, скользнув взглядом по экрану с номерами студентов.

— Так-с... Номер 4501. А, мой любимый протестант, — его тон стал нарочито лёгким, но в нём зазвучал холодок. — До сих пор не понимаю, как тебя не отчислили. — Он пристально посмотрел вперёд, на первый ряд.

Мой взгляд автоматически последовал за его. Я видела только широкую спину парня в старом, потёртом самоходном кресле в первом ряду. Его плечи были неправдоподобно массивными, казалось, они не помещались в коляске, отчего та тихо жужжала, будто жалуясь на нагрузку. Аппарат явно был не новым, возможно, собранным из старых деталей — редкий даже древний в мире бесшумных, элегантных корсетов.

— Ну что, просветишь нас? — спросил преподаватель.

Спина передо мной слегка напряглась. Парень заговорил, не оборачиваясь. Голос его был спокойным, размеренным, но в ровном тембре слышалось глухое, внутреннее напряжение.

— Вы правы, бунт затронул многих. Но люди просто устали быть рабами идеологии.

— Можно подробнее? И, желательно, опираясь на факты, а не на эмоции.

— Хорошо. Система образования, как справедливо отметила моя однокурсница, — он слегка повёл плечом в мою сторону, даже не оглядываясь, — для пятидесятых и шестидесятых была идеальным выходом. Когда мир потерял смысл. Но к 2110-му она превратилась в машину по производству винтиков. Рабочий день длился более шестнадцати часов. Дети шли в школу с четырёх лет. Да, ранний выпуск, быстрое распределение... но с одиннадцати лет учебный день длился пятнадцать часов. Бунт пошёл от бессилия. Многие до сих пор ждали обещанных корсетов, живя в боли. Они решили, что правительство пора сдвинуть. Попробовать новый подход.

— И к чему привёл этот... поступок? — преподаватель произнёс последнее слово с мягкой, опасной ясностью.

Мускулистая спина впереди распрямилась ещё больше.

— Были жертвы. Но были и изменения. Первым нападением был театр, где было слишком много верхушки власти. С этого момента и считается начало бунта. Они просто хотели изменений.

— Захват власти, подвергать людей опасности ради амбиций — это не изменения. Это преступление против системы.

— Система выросла с трёх Верховных до семи. Голосов стало больше. Рабочий день сократили. Медицина стала уделять внимание не только выживанию, но и качеству жизни. — Говорил он методично, словно зачитывал сводку. С каждым его словом я видела, как преподаватель, стоящий сбо-

ку, сжимает планшет, и вена на его виске начинает отчётливо пульсировать. — Больше нет ползающих в грязи. Только корсетчики и колясочники. Так что да, последствия есть. Пусть переворота и не случилось. Но ведь никто не знает, что будет дальше.

Последнюю фразу он произнёс тише, и его плечи слегка опустились, будто сбросив невидимый груз.

В этот момент у каждого в ухе, включая преподавателя, прозвучал ровный, безличный голос системы:

— Урок завершён. До следующего занятия — пятиминутный перерыв для восстановления когнитивных функций.

Преподаватель замер, сжав губы. Спор был прерван на самом интересном месте, автоматически, по расписанию. Он больше не стал комментировать. Только обвёл взглядом аудиторию, и его лицо снова стало профессионально-нейтральным.

— Многие из вас сегодня сдают выпускной экзамен. Желаю удачи и... успешного трудоустройства. Остальным, до встречи через месяц.

На этих словах преподаватель развернулся и направился к своему столу. Я осталась стоять, чувствуя, как напряжение последнего спора медленно рассеивается в тишине аудитории.

Мысленно я вернулась к тому парню. Что двигало им, когда он так открыто, почти вызывающе высказывался? В нашем мире не принято так громко говорить о 2123-м. Эта да-

та — как шрам, который все видят, но стараются не трогать. Он всё сдвинул. Возможно, даже... мама была бы жива, если бы не те события.

Но времени на раздумья не было. Нужно было перемещаться на следующий урок — «Внешняя безопасность». Занятие прошло на удивление монотонно, даже скучно, но образ того парня с его старой коляской и спокойным, упрямым голосом так и не выходил из головы. Что-то в его тоне, в самой дерзости такого открытого высказывания, вызывало глухую, необъяснимую тревогу.

Потом были «Кибербезопасность» и «Контроль ИИ», где нас снова учили, где грань между помощью и надзором. Затем «Политика и основы системной стабильности». Всё как всегда, но сегодня информация словно проскальзывала мимо сознания, не задерживаясь.

И наконец, настал долгожданный перерыв на обед. Я не позавтракала как следует, и ТЭК каждые полчаса настойчиво напоминал о низком уровне глюкозы, белка и общем энергетическом спаде. Эти тихие, но навязчивые уведомления в ухе действовали на нервы. Интересно, почему сегодняшний день кажется таким... расслабленным? Может, потому что он действительно последний в этой бесконечной череде учёбы?

Мы договорились встретиться со Сферой в столовой. По её последнему сообщению чувствовалось, что она чем-то расстроена. Я быстро собрала вещи и выскользнула из ауди-

тории.

Дальше начался привычный маршрут-квест: спуститься на первый этаж, пройти весь центральный холл, свернуть к боковой лестнице, подняться на второй, пересечь весь длинный коридор налево, найти предпоследнюю дверь, за ней — снова спуск на первый. Бег по этим безликим, знакомым до тошноты переходам.

И вот, последний поворот. Я толкнула тяжёлую дверь.

И попала в другой мир.

Столовая встретила меня тихим, почти медитативным гулом. Пространство, залитое мягким светом из панорамных окон, казалось, замерло в ожидании предобеденного затишья. Круглые столы, похожие на гигантские карамельные пуговицы, стояли в живописном беспорядке: одни уютно прижались к стенам, другие бесстрашно царапали блестящий пол в центре зала, словно утверждая своё право на одиночество. Стены... они были как белый холст, на который какой-то гигантский, слегка безумный ребёнок вылил целые ведра чистого цвета: малиновый, солнечно-жёлтый, лазурный. Краски не сливались, а жили своей жизнью: яркими, дерзкими пятнами, не признающими ни линий, ни границ. Это был взрыв оптимизма, застывший в прошлом веке.

Над главным проходом парило, медленно вращаясь, гигантское голографическое меню. Буквы, составленные из сияющих частиц, предлагали: «Суп-конструктор на основе водорослей», «Синтезированные котлеты с 18 вкусами» и «Де-

серт “Ностальгия” — вкус, который вы не помните». Пульсирующие иконки мигали с ленивой периодичностью метронома.

Людей было мало. Горстка корсетчиков стояла у высоких стоек у окна. За одним из столов тихо беседовала пара в колясках. Тишину нарушало лишь нежное жужжание и мягкие щелчки. По залу, подобно послушным, но несколько инопланетным жукам, двигались роботы-раздатчики на низких, бесшумных колёсах. Их манипуляторы с поразительной нежностью переносили тарелки с едой, аккуратно ставя их перед посетителями. Один такой робот, похожий на серебристого муравья с подносом вместо головы, вежливо посторонился, пропуская меня, и мягко пискнул, предлагая помощь.

Я взяла стакан воды с конвейера и почувствовала странный диссонанс. Обстановка, круглые столы, уют, даже эти дурацкие яркие стены — словно сошли со старых цифровых снимков начала века. Таким, наверное, представляли себе будущее люди из двухтысячных: яркое, чистое, технологичное, но непременно человеческое, с местом для беседы и случайной улыбки. Они угадали с эстетикой, но не могли представить, что главным технологическим прорывом здесь станет не еда, которую разносят роботы, а корсет, позволяющий мне просто стоять и не думать о том, как я это делаю.

Я поймала себя на мысли, что смотрю на эту почти пустую, залитую солнцем столовую как на музейную диораму. Жизнь, как в старом фильме, — подумала я. Фильме, где

будущее уже наступило, оказавшись одновременно и знакомым, и бесконечно чужим. Где главным сюжетом стала не война с машинами, а тихая, повседневная победа над гравитацией собственного тела. И в этой победе было что-то невероятно грустное и прекрасное, как эти одинокие, яркие пятна на белых стенах.

От моих раздумий меня перебил звонкий и такой уже родной голос.

— Эйри, я тут, давай присядем и всех обсудим! — На последнем слове она сделала акцент, чтобы все, кто услышал, обратили внимание.

Я подошла к небольшому круглому столику и с улыбкой посмотрела на подругу:

— Любишь шокировать людей?

— Конечно, это же самое веселье, и без злого умысла, — её громкий смех отразился от стен.

Фраза «без злого умысла» на наших парах встречалась всё чаще, чем можно подумать. Она как палочка которая выручает от неуместных и незаконных фраз: говоришь её — и все тебе прощают.

— Так-с, выкладывай, — копируя нашего утреннего преподавателя, я даже поправила носом воображаемые очки, — кто обидел?

— Да... не думай об этом, пройдёт, придумаю, как всегда, что-нибудь. — Вроде бы она улыбалась, но в глазах была тоска.

— А теперь серьёзно, баллы сняли? — я задумалась.

Балльная система была во всём. Оплата шла баллами, выделенными на траты и покупки — это один вид баллов сокращённо ББ. Их я никогда не считала, потому что не нуждалась, но ими можно было не опуститься в рейтинге других баллов. Баллы за учёбу, помогали закончить учебное заведение и поступить в него. Баллы помогали при устройстве на работу и на заработок других баллов — ББ. Медицина, управление транспортом, ну и биоинженерия — всё зависит от баллов. Даже очередь на новый корсет и та зависит от баллов в учёбе. В учебных заведениях можно набрать максимум двадцать два балла за учёбу. Потом переходишь на десяти-балльную систему рейтинга и всю жизнь живёшь по ней.

— Да сняли, представляешь целый балл, будто я прогуляла умышленно. — Она помрачнела, ковыряясь в тарелке.

Робот подъехал к нашему столику, и я, не глядя, взяла поднос с едой, даже не выбирая.

— Вот блин, а если пойти и объяснить? Всё же последний день, может, поймут? — Поднося ко рту ложку с искусственно выведенным и модифицированным, но безупречным овощным рагу. — Давай смотреть позитивно, для выпуска нужно 15 баллов, у тебя теперь как раз столько.

— Ты думаешь, я сразу не постаралась объяснить? Я рассказала, что расписание поменяли и что это они не правы в том, что я опоздала. — Её голос звучал очень мягко и еле слышно.

— Пряма так?! — Я от удивления чуть ложку не выронила. Систему никогда и не при каких обстоятельствах нельзя обвинять, за это строго наказывают.

— Да, прямо так, — буркнула она. — Ещё сказала, что с их стороны несправедливо манипулировать баллами в отношении таких, как я, — все так же бурча под нос, будто оправдываясь передо мной. — Я сама всего добилась и для этого и иду в политику, чтобы следить за жизнью и устранять несправедливость.

От удивления и даже гордости за неё я не могла сказать ни слова. Сфера продолжила:

— Но мой порыв они не оценили — и списали ещё полбалла и сказали, что универ я не закончу теперь. Вот... — Она то ли злилась, то ли, из-за небольшой улыбки, гордилась.

— Да ты просто геоогонь, — я не могла перестать радоваться её протесту, хоть это и неправильно. — Значит, теперь у тебя не хватает полбалла для выпуска?

— Да, и завтра последний день пересдач, но меня не допустили. — Она скривила лицо и сделала важный вид. — Цитирую, «за неподобающие и вопиюще протестное поведение в обществе!» — Она опять погрустнела. — Так что не видать мне правительства, как и нормальной работы.

— Стоп, сейчас мы решим это. — Я на секунду задумалась. — ТЭК, позвонить абоненту «папа».

— Нет! Нет, что ты делаешь, не нужно, пожалуйста! —

Она соскочила с места и замахала руками.

ТЭК: Связь установлена.

— Да, дочь, говори, только быстро, у меня собрание. — Голос был немного вздёрнут, что редко для моего безэмоционального отца.

— Пап, тут такое дело. Ты ведь хочешь, чтобы я сдала экзамен на отлично?

— Продолжай, я жду начала твоих торгов. — Его явно заинтересовало, так как голос стал заметно громче.

— Сфере несправедливо сняли полтора балла в последний день. Пересдача — только один день, это завтра, и шанс набрать полбалла... Или хотя бы невозможно целый балл. Но ей несправедливо запретили приходить и сказали, что не примут у неё пересдачу. — Я жестом старалась усадить подругу на место.

— Я не могу влиять на учебные баллы, ты же знаешь. Изменить нельзя — система неподкупна.

«Ага, конечно, я то знаю» — подумала про себя, но вслух я лишь сказала:

— Да знаю я, пап. Я не прошу подкупить кого-то.

— Эйра! — перебил возмущёно он меня.

— Пап, я не про то. Но пересдача — это её законное право, даже преступникам дают шанс, — сделав нежнее голос, — это важно для неё. Ты ведь её с детства знаешь.

Молчание было недолгим, грубый выдох.

— Но ты сегодня стараешься на экзамене на высший балл,

да?

— Кто из нас ещё шантажист? — я улыбочиво прищурила глаза. — Да, пап, я буду из корсета выпрыгивать, но сдам его на отлично.

— Хорошо, отпишусь чуть позже тебе и не влипайте до выпуска больше никуда, договорились?

— Голос стал мягче: он понимал, что ему это ничего не стоит, а я теперь точно иду на экзамен.

ТЭК: Связь закончена.

Я подняла взгляд на краснеющую от стыда подругу:

— Он постарается допустить тебя завтра, натянешь полбалла? — Внутри меня всё ликовало от успеха.

— Эйри! — Она трогала свои пылающие огнём щёки. — Зачем? Мне же теперь будет стыдно ему в глаза смотреть. Я бы сама как-нибудь...

— «Как-нибудь, где-нибудь». — Передразнивала я подругу. — Они несправедливо сняли твои баллы. Так вот, теперь пусть отвечают за это.

ТЭК: сообщение от абонента «папа»:

— Я договорился. Полбалла сняли незаконно это уже проверили. Плюс она может попытать удачу и прийти завтра на пересдачу.

— Больше сообщений нет.

Я сделала максимально грустное выражение лица:

— Папа прислал ответ, прости. — Опустила глаза, будто мне стыдно.

— Не получилось, да? — Сфера побледнела.

— Прости, но теперь тебе придётся пойти работать... Туда, куда ты хотела! — Последнюю фразу я выкрикнула.

Кровь сразу вернулась к её щекам, улыбка заиграла на лице:

— Ах ты межзвёздная планета! Ты меня напугала. Завтра пересдача?

— И не только, тебе вернули полбалла. У тебя сейчас есть всё для выпуска.

— И-и-и-и-и! — Её визг разнёсся по всей столовой. — Ты знаешь, что я люблю тебя и твоего папу, знаешь?! — Подбежав ко мне, и очень крепко обняла меня, так что корсет впился мне в шею.

— Знаю, знаю, только прекрати убивать меня, пожалуйста, — я похлопала её по спине, чтобы она ослабила хватку.

— А точно, прости, не удержалась. — Она немного отстранилась от меня.

— Да ладно, я ничего не сделала. Ты же близкий мне человек, и я хочу увидеть тебя на работе в костюме. — Смеясь, ответила я.

— Знаешь, мы живём во время, когда только единицы способны на такие вот поступки ради другого. — В этой фразе было слишком много правды.

Наш счастливый разговор был прерван.

— Уважаемые студенты и преподаватели! — Я посмотрела за Сферу, которая уже села обратно.

— Кто-то говорит в микрофон, — пробормотала она. Я лишь высматривала, кто говорит, но не видела, хотя голос показался мне знакомым. Столовая за время нашей беседы была битком набита людьми. Мы так были увлечены процессом возврата Сфере образования, что не заметили этого.

— Минутку, да помолчите вы! Заткнитесь! — Голос был явно раздражён: в мире, где абсолютно все общаются вежливо, это и правда заставило замолчать присутствующих. Непонятная дрожь пробежала по коже.

Глава 4

Все головы повернулись в одну сторону, и толпа в столовой замерла, а затем медленно, как отлив, начала расступаться. В образовавшемся проходе я увидела знакомую спину — ту самую, широкоплечую, в потёртом самоходном кресле. Моего одноклассника. Того самого, что утром так спокойно бросал вызов истории.

По спине пробежала холодная, точечная дрожь. Я скользнула взглядом по лицам вокруг. В них читалось не столько возмущение, сколько шок, почти недоумение. В нашем отлаженном мире такие всплески — редкость. Они... не предусмотрены. А он стоял, точнее, сидел в центре этого немого круга, и я видела, как напряженно поднимаются и опускаются его плечи. Казалось, вся немота, вся подавленная злость этого слишком правильного мира сейчас клокочет в нем одном.

Я увидела, как к нему быстрыми, четкими шагами подошла преподавательница с репутацией бескомпромиссной идеалистки. Она и правда была высокой, почти аномально для нашего времени, и вся её фигура излучала холодную, неоспоримую уверенность. Её розовые, идеально ровные волосы каре и лиловые губы выглядели дерзким вызовом, но ледяные серо-зелёные глаза мгновенно возвращали всё в рамки суровой дисциплины.

— Что ты себе позволяешь? — её голос был негромким, но прошипел, как лезвие, разрезая тишину.

— Я хочу сказать то, что думаю. Я человек этого мира и имею право на это, — раздался его ответ.

Голос был твёрдым, но в нём слышалось напряжение.

— Молчи! Сюда уже выехала охрана. Можешь попроситься со своим будущим.

И тогда раздался смех. Громкий, разорвавший тишину, резкий и... страшный. В нём не было ни капли веселья, а только горькая, нарывная истерика. В этот момент коляска резко развернулась.

Я увидела его лицо.

— Докс? — имя сорвалось с моих губ шёпотом, который, казалось, услышала только я сама. Внутри всё оборвалось.

Года два назад этот парень был... другим. Весёлым, немного занудным, но своим. Наши семьи были знакомы. Он, как и я, потерял родителя в том бунте. Своего отца. Его мать теперь высоко в иерархии безопасности. Я помнила его выразительные, густые брови, кривоватую, но открытую улыбку. Он всегда играл по правилам, мечтал пойти по стопам матери. И я не узнала его с утра, он стал другим. Совсем.

Раньше он ходил в корсете. Новом, современном.

Что заставило его сменить корсет на эту старую, шумящую коляску?

— Отойди от меня, Силва, — его голос был низким и плоским. Он посмотрел на преподавательницу, и я увидела

его глаза вблизи. Они казались почти чёрными, но не от цвета — в них просто не было ничего. Пустота. — И дай мне сказать.

— Ты кем себя возомнил?! — её голос сорвался на крик. Сдержанность исчезла, обнажив чистую, бешеную ярость. — Бедная твоя мать! Ей теперь придётся отречься от тебя! Какой позор!

При словах о матери его лицо исказила гримаса, будто от физической боли.

— Мама... Мама... Мама... — он повторял это слово снова и снова, тихо, но так, что слышно было в мёртвой тишине столовой. В этом монотонном бормотании звучала не тоска, а какая-то тлеющая, холодная ненависть.

— Всё, охрана уже здесь. Мой ТЭК только что подтвердил, — преподавательница наклонилась к нему ближе, и её следующий шёпот был слышен в столовой так же отчетливо, как крик. — Тебе конец.

Он не дрогнул. Только уголок его рта дёрнулся.

— Ха. — И его лицо внезапно стало спокойным, почти отстранённым. — В моей коляске достаточно взрывчатки, чтобы разнести это здание в пыль. — Он внимательно, оценивающе посмотрел на неё. — Так что... кому теперь стоит бояться?

Слово «взрывчатка» повисло в воздухе, а затем ударило по залу физической волной. В нашем спланированном, безопасном мире мы не знали, что такое теракт. Не на практи-

ке. Только в историях. Сначала тишина стала абсолютной. Потом её разорвали звуки: опрокинутый стул, сдавленный вскрик, судорожный вздох. Люди метнулись к выходам, но его голос, ровный и громкий, остановил всех на месте.

— Если сейчас кто-то двинется с места или издаст звук — я подорву себя.

Движение замерло, как в плохом голографическом фильме на паузе.

— Зачем ты это делаешь?! — кто-то панически выкрикнул из задних рядов.

— Он сошёл с ума! — прозвучал другой голос, полный ужаса и неверия в происходящее.

— Нет, — очень тихо, но чётко произнес Докс. — Я не схожу с ума. Я просто... прозрел.

— Докс, — голос сломался у меня в горле, но слова сорвались. — Ты пугаешь всех. Скажи, что тебе нужно.

Он медленно повернул голову. Его взгляд нашёл меня в толпе. В его пустых глазах что-то мелькнуло, что-то вроде горького узнавания.

— Эйри. Милая, глупенькая Эйри. Мы знакомы так давно. Жаль, что ты сегодня здесь.

Его голос снова стал громче, обращаясь уже ко всем. И его взгляд скользнул по углам, по датчикам, по камерам.

— Я знаю, что меня сейчас слышат. И Закон о СМИ, который имеет полный доступ ко всем открытым каналам, передаст эту информацию. — Он обвёл взглядом замерший зал.

— А теперь... прошу всех сесть.

Произошло самое страшное. Никто не спорил. Не было криков, попыток сопротивления. Один за другим, как подкошенные, люди опускались на пол, на стулья, на ступеньки. словно стадо послушных, оглушённых баранов. Нас учили не возражать. Нас учили слушаться. И этот навык, вбитый с детства, сейчас, в момент реальной опасности, оказался страшнее любой угрозы. Мы молча сели, отдавая себя на милость того, кто сломал все правила. Возможно, в этом и было самое страшное открытие дня — наша идеальная дисциплина стала идеальной ловушкой.

— Начнём с малого, — он осмотрел зал, убедившись, что все застыли в безмолвии. — Я родился в 2124-м. Как и многие из вас. В то время, когда люди ещё боролись. За свободу. За право выбирать. За право просто быть. Знаете, что самое интересное? Я никогда не знал своего отца. Он погиб до моего рождения. — Докс сглотнул, и его голос на секунду дрогнул. — Наверное, будь он жив, я бы сейчас здесь не сидел. Хотя нет... я бы здесь не сидел, будь он действительно мёртв, как мне всегда говорили.

В зале повисла гнетущая тишина. Ни шороха, ни вздоха.

— Нам всю жизнь твердят о Стене. О той, что отделяет наш мир от опасности. Что за ней, если и выжили умалишённые, то лишь для того, чтобы нести нам угрозу. Что они опасны для нашего общества. А что, если я скажу, что всё не так? — Он медленно перевёл взгляд, и его пустые глаза

остановились на мне. — Я хочу рассказать правду о две тысячи сто двадцать третьем. Правду о наших родителях.

«Что он имеет в виду? Каких родителей? Что-то кольнуло, промелькнуло и тут же рассыпалось, не успев сложиться в единую мысль».

В этот момент в ухе раздался оглушительный, пронзительный писк. Не сигнал, это было похоже на ввинчивающийся в сознание белый шум, настолько сильный, что физически свело виски. Я вскрикнула, вцепившись руками в голову. Перед глазами поплыли тени. Сфера, сидевшая рядом, уже лежала на полу, скрючившись от боли.

Я не понимала, откуда исходит звук, но терпеть его было невозможно. Сквозь пелену боли я увидела, как Докс тоже схватился за голову, но его рука, будто через силу, опустилась вниз и нажала на скрытую кнопку на подлокотнике коляски.

Раздался ещё один звук. Низкий, густой, всепоглощающий гул, который не столько услышала, сколько ощутила всем телом. Потом — ослепительная белая вспышка, съевшая всё: лица, стены, свет.

Что-то огромное и невесомое ударило в грудь, отшвырнув назад. В уши ворвался рёв обрушившегося мира. Я не упала на пол. Меня сдуло порывом ветра. Спину и голову хлестко ударило о что-то твёрдое. В глазах поплыли оранжевые и чёрные пятна, а потом их накрыла густая, едкая пелена пыли, впиваясь в лёгкие. Стало трудно дышать.

Боль. Не сразу, а через секунду, будто отложенный удар. Острая, рвущая, разлилась от виска по всему телу. Что-то тёплое и липкое заструилось по шее. Я попыталась пошевелиться и не смогла. Не потому, что была придавлена, а потому, что тело не слушалось. Внутри была только леденящая пустота и нарастающий, животный ужас.

Темнота. Давление в ушах. Тишина: глухая, звенящая, абсолютная.

А потом... свет. Неясный, размытый, белый. Он колыхался где-то сверху, будто под водой.

«Где я? Почему так тихо? Что случилось? Это сон?»

Мысли метались, отскакивая от стенок черепа, как перепуганные птицы.

«Где мои руки? Почему я не чувствую своего тела?»

Попытка пошевелить пальцами уперлась в непробиваемую стену между мозгом и конечностями. Только боль в голове была реальной, такой тупой, раскалённой, пульсирующей в такт замедленному сердцебиению. Она, как якорь, тянула меня обратно из белой, тихой пустоты в чёрную, тяжёлую, неподвижную реальность.

— Эйра, Эйра, ты слышишь меня?

Голос. Мужской. Знакомый, но такой далекий, будто доносящийся через толщу воды. Я услышала. Но я не вижу. Почему я не вижу?

— Она приходит в себя. Эйра, вы нас слышите? Если да, попробуйте пошевелить рукой.

«Пошевелить рукой... Где моя рука? Я слышу. Слышу вас прекрасно. А почему вы не слышите меня?» — Я же кричу изо всех сил, чувствую, как напрягается горло. Но нет звука. Только тишина внутри, и ваши голоса снаружи.

«Пошевелить рукой. Пошевелить рукой. Пошевелить рукой».

Мысль уперлась в темную, неподвижную массу, которая должна была быть моим телом. И вдруг, щемящее, далекое ощущение. Не движение, а его тень. Где-то на краю сознания что-то дрогнуло.

— Доктор, видите? Она... её палец дёргается!

Этот голос... другой. Сдержанный, но в нём прорвалось что-то тёплое и острое.

«Папа. Это папа! Папа, я тебя не вижу! Папа, я тебя слышу! Почему я не могу ответить?! Что происходит?!»

Собрать все силы. Все обрывки воли, все осколки внимания. Ещё одно усилие. Веки — они невероятно тяжёлые, будто залитые чем-то тяжёлым и неподъёмным. Под ними ослепительная, режущая белизна. Больно. Хочется сжаться, уйти обратно в тёмную, тихую безопасность.

— Эйра, не закрывай глаза! Эйра! Открой их!

Голос отца снова удаляется, тает, как эхо. Силы кончились. Сопротивление ломается. Чёрная волна накатывает снизу, мягкая и неумолимая.

Темнота. И на этот раз в ней есть странное, обманчивое спокойствие.

Я снова открыла глаза. Боль ушла, оставив после себя странную, ватную невесомость.

«Почему так темно?»

Сознание цеплялось за детали, вырывая их из мрака. Тусклый, едва живой свет где-то сверху выхватывал из небытия лишь гладкий, безликий потолок. Серый? Нет, наверное, белый. Просто тьма выедает цвет, оставляя лишь его призраки.

Резало в глазах. Я моргнула раз, другой, пока картинка не обрела резкость.

Повернула голову налево, движение далось с трудом, будто шею зажали в тиски из ваты. Окно. Огромное, круглое, во всю стену. Настоящий иллюминатор для великана. За ним, была густая, бархатная чернота ночного неба, не дающая ни лучика, ни надежды. Ни Млечного Пути, ни огней города. Только пустота.

«Где я?»

Мысль прояснилась, холодная и тяжелая. Такие окна... Круглые, мягко подсвеченные по периметру. Они есть только в одном месте. Осознание ударило, как ток. Сперва, почти облегчение. Я знаю это место.

Я в больнице.

И сразу же, следом, из самой глубины животный леденящий, острый страх, скользнувший по позвоночнику. Он обжег меня холодом. Я снова, уже шёпотом, повторила про себя, вбивая это в голову:

«Я в больнице. Значит, всё это... было правдой? Не сон, не кошмар наяву, а реальность?» — Я рванула голову направо, пытаюсь увидеть больше, и резкая, короткая боль, точно укол за ухом, заставила меня ахнуть.

— А-ай!

Звук моего голоса, одинокий и хриплый, раскатился по каменной тишине палаты и замер, не встретив ответа. Я затаила дыхание, слушая это эхо. Пустота.

Страх стал плотнее, осязаемее. Я медленно подняла руки перед лицом. В слабом свете они казались бледными, чужими. Я стала пересчитывать пальцы, один за другим, как в детстве, после самого страшного сна. Прикосновение подушечек к большому пальцу, проверка связи между мозгом и телом.

— Десять, — прошептала я, и это прозвучало как заклинание, как подтверждение, что я всё ещё цела. Облегчение, сладкое и краткое, промелькнуло и испарилось.

Потом взгляд упал на грудь, на контур тела под тонким, прохладным покрывалом. Сердце забилося чаще. Со странным, суеверным страхом, откинула одеяло. Посмотрела вниз, не дыша. Ноги... Они были на месте. Лежали немного неестественно, прямо, чуть развернуты носками в стороны, как у манекена. Мы их не чувствуем, это нормально, напомнила я себе, сжимая кулаки. Главное, что они есть. Они здесь. Радость расплылась по моему телу.

Только теперь я позволила себе осмотреться. Палата в

ночной тьме походила на заброшенную капсулу далекого звездолета. Все было выдержано в стерильной гамме приглушенного белого и холодного серого металла. Ни одного острого угла: стены, потолок, встроенные шкафы и тумбы плавно перетекали друг в друга, образуя обтекаемую, биоморфную капсулу. Я лежала в центре на кровати. Она была белоснежной и своей формой напоминала облако, мягкое, с плавными, текучими волнами. Такие, адаптивные лежа, были и дома, они подстраивались под каждую точку тела, создавая невесомый комфорт. Но эта... эта была меньше. Жёстче. Её приспособляемость ощущалась не как забота, а как холодный, расчётливый механизм. В её объятиях не было уюта, а лишь эффективность.

Я осталась одна. Наедине с тихим жужжанием невидимых приборов, с круглым чёрным глазом иллюминатора, с этой идеальной, бездушной белизной. И с вопросом, который теперь висел в тёмноте тяжелее любого физического груза: что именно произошло?

Какую именно правду он хотел рассказать? И почему я верю ему, в то что ему было, что рассказать нам? Немного мотнув головой, чтобы избавиться себя от этих мыслей. Ведь это не может быть правдой, все что произошло, это точно не правда. Я не хочу в это верить. В этот момент боль за ухом опять напомнила о себе.

— Да что это? — я поднесла руку к уху, оно было замотано. — ТЭК, где мой ТЭК?

Дверь бесшумно растворилась, впуслав в темноту узкий прямоугольник более яркого света из коридора. На его фоне возникла невысокая, плотная фигура. Секунду он стоял неподвижно, будто давая мне время его разглядеть, или позволяя своим глазам адаптироваться к яркому свету за его спиной.

Он вошёл, и дверь так же бесшумно сомкнулась. Тишину нарушило лишь чуть слышное гудение какого-то прибора и его мягкие, но уверенные шаги. На нём была простая одежда: не стерильно-белая, не серебристая, умная, ткань, а матово-серая. Облегающие штаны и свободная медицинская рубашка сверху. Практично, эстетично. Я знала этот покрое. Материал с наноразрывным покрытием позволял проводить моментальную дезинфекцию ультрафиолетовым импульсом прямо на человеке, не прерывая его работу. Такая экономия времени помогала работать без отрыва от самой работы. Наши врачи почти не снимали эту форму.

Но мой взгляд сразу притянула его правая рука. Она была облачена в нечто, напоминающее мой основной корсет, но прозрачный и структурный.

Тончайший биокорсет облегал кисть и предплечье, повторяя каждый рельеф костей, каждую вену. Он не скрывал, а подчеркивал анатомию, делая руку похожей на идеальное учебное пособие. Но на кончиках пальцев этого «пособия» горели маленькие, идеально круглые пластины — это датчики биометрического считывания и дистанционного управле-

ния аппаратурой. Они мерцали в темноте тусклым синим, как глаза какого-то неземного существа.

«Врач», — мгновенно и безошибочно поняла я.

Он приблизился к кровати, и свет от панели управления где-то за его спиной упал на его лицо. Оно было не старым, но и не молодым. Лицо, с которого временем стерли всё лишнее, оставив лишь спокойную сосредоточенность. На виске пульсировала почти невидимая голограмма, вероятно, интерфейс, выводящий мои показатели прямо в его поле зрения.

— Эйра, — произнёс он. Голос был низким, ровным, лишенным всякой театральности. В нём не было ни тревоги, ни успокоения. Был просто констатирующий факт. — Ты пришла в себя. Это хорошо.

Он не спросил «как ты себя чувствуешь». Он, вероятно, знал это точнее меня самой. Вместо этого он медленно провёл ладонью в биокорсе над моим телом, не касаясь, и в воздухе между нами всплыли ряды плавающих цифр и графиков: мой пульс, давление, нейроактивность. Они отбрасывали на его каменное лицо прозрачное зеленоватое сияние.

— Боль купирована, — тихо сказал он сам себе, следя за данными. — Нейростабилизаторы работают в штатном режиме. Физический ущерб минимален. — Он посмотрел на меня, и его взгляд, холодный и оценивающий, будто сверял живое существо перед ним с цифрами на экране.

— Но мне нужно задать тебе несколько вопросов. О том,

что ты помнишь.

Он сделал паузу, дав словам повиснуть в стерильном воздухе больницы. Аппараты тихо жужжали. Круглое чёрное окно смотрело в никуда. И в этой идеальной, технологичной тишине его следующий вопрос прозвучал громче любого крика:

— Ты помнишь, что случилось в столовой?

Его вопрос повис в тишине палаты. Я посмотрела на него — на его спокойное, собранное лицо, на взгляд, лишённый осуждения, но полный неумолимой сосредоточенности. И в тот же миг память ударила обрывками.

— Там... был взрыв, — выдохнула я, и слова запустили лавину. Кадры понеслись в голове с чудовищной скоростью: белое пятно, летящая пыль, тело, отброшенное ударной волной. Страх, острый и жгучий, подкатил к горлу. Воздух перестал поступать в лёгкие. Я судорожно ловила ртом пустоту, но в груди лишь всё сжималось и ныло.

— Я... не могу дышать, — прохрипела я, руки сами потянулись к шее, цепляясь за неё, как будто можно было заблокировать дыхание пальцами.

Приборы над кроватью взвыли пронзительным, тревожным хором. Сигналы замигали алым.

Кто-то твёрдо взял меня за запястье, отводя мою руку от горла.

— Это паническая атака. Ты не задыхаешься. Дыши со мной, — его голос пробивался сквозь нарастающий звон в

ушах, ровный и твёрдый, как якорь в полутьме сознания.

Но мне было не до него. Мир сузился до всепоглощающего ужаса и боли в груди.

— Мне... нечем... — каждый слог давался с трудом. Слезы сами потекли по щекам, горячие и беспомощные. — Я умираю?

— Нет. Слушай только мой голос. Вдох, — он сделал глубокий, нарочито шумный вдох, чтобы я его услышала. — Выдох. Давай вместе?

Сквозь панический туман его спокойствие доносилось, как свет сквозь толщу воды. Я бессильно кивнула, пытаюсь подражать.

Вдох. Выдох.

Еще раз. Медленнее.

Воздух, холодный, наконец пошёл в лёгкие. Давящее кольцо вокруг грудной клетки начало ослабевать. Сознание, разбитое на осколки, потихоньку собиралось обратно. Я почувствовала твёрдость матраса под собой, прохладу простыни. Контроль по капле возвращался.

— Так лучше? — спросил он, когда моё дыхание выровнялось, и писк приборов сменился на более спокойный ритм. — Можем поговорить? Если тяжело, просто скажи.

— Нет... я могу. — сглотнув тошнотный рефлекс. — Я помню. Докса. Столовую. Взрыв. Я всё помню.

— Хорошо. Это очень важно. Мозг функционирует нормально, — он перевёл взгляд на экран с показателями, его

пальцы бегло скользнули по голограмме, и он в них погрузился.

— А остальные? — вопрос вырвался сам собой. — Все живы? Сфера, моя подруга... она была рядом. Что с ней?

Мысль о том, что кто-то мог не выжить в нашем, казалось бы, неуязвимом мире, накатила новой, леденящей волной. Я инстинктивно сделала глубокий вдох, сжимая кулаки, цепляясь за самообладание.

— Не буду врать. Жертвы есть, — его голос оставался профессионально-ровным, но в нём не было лжи. — Но вы с подругой находились с краю. Основную ударную волну принял на себя автоматический раздатчик еды. Он вас частично закрыл собой.

— Погибли... Кто? Сколько? — вопросы вихрем побежали в голове, цепляясь друг за друга.

— Сейчас твоя задача — отдых и восстановление. Поговорим обо всем подробно утром. Договорились? — Он не дожидался ответа, провёл рукой по новому, возникшему в воздухе интерфейсу, выбирая что-то.

— Нет, я... я хочу знать сейчас... — начала я, но голос стал ватным, а тело, невероятно тяжелым и мягким, как будто его наполнили песком. Мысли потеряли чёткость и расплылись. — Сей... час...

Темнота нахлынула не постепенно, а обрушилась разом, мягкая и беззвучная, унося с собой и вопросы, и страх, и саму память о пережитой боли.

Неизвестный голос, где-то на грани сна и яви, тихий:

— Эй, проснись, — настойчивый шёпот, и чьи-то руки мягко, но решительно трясут меня за плечо. — Как тебя там... Очнись и послушай.

Сон густой и бездонный, как смола, нехотя отпускает сознание. Я с трудом разлепляю веки. В темноте, сквозь мутную пелену в глазах, вырисовывается силуэт. Резкие, будто высеченные линии скул. И глаза, очень светлые, серые, почти сияющие в полумраке, смотрят не мигая, с хищной сосредоточенностью. Парень незнакомый. Его небольшой заггар заметен даже в полумраке — странно. Я опускаю взгляд и вижу неестественно широкие, мощные плечи.

— Ты меня слышишь?!

— Кто... кто ты? — еле слышно выдавила я. Мысли путаются, наезжают друг на друга. — Я тебя не... Ты краси. вый. Почему я это сказала?

Слова выскальзывают сами, стыдно и неловко.

— Это наркоз. Соберись, эй. — Я снова начинаю проваливаться в небытие, но он легонько встряхивает меня, повышая голос чуть выше шёпота. — Давай же, сосредоточься.

Я с усилием открываю глаза. Хочу что-то сказать, но он прикладывает палец к моим губам. Его прикосновение неожиданно тёплое, шершавое от работы или песка.

— Тише. Слушай, и запоминай, — он бросает быстрый взгляд на дверь, его движения точны и лишены суеты, как у хищника. — Всё не то, чем кажется. Взрыв — это только начало.

— Что?.. — Где-то в глубине шевелится страх, но тело и разум набиты ватой и успокоительным. Всё кажется далеким. — О чем ты? Ты кто?..

Силы снова уходят, язык не слушается.

— Не перебивай. Ты многого не знаешь, но ты нам нужна, — он ещё раз дёргает меня за руку, не давая глазам закрыться. Его пальцы твердо держат моё плечо. — Всё пошло не по плану... Ладно. Слушай: мы с тобой свяжемся. — В коридоре слышались шаги. Парень резко оборачивается на звук, но наклоняется ближе, и его шёпот становится срочным, чётким, как нож. — Я найду тебя. Сейчас отдыхай. И запомни: если из-за этого разговора пострадает кто-то, твои близкие или мои люди, ты будешь проклинать этот момент. — Он снова обернулся на какой-то звук. — И запомни: Аура. Она была на нашей стороне. Тебе всю жизнь врали.

Шаги за дверью становятся чётче, громче, уже рядом. Парень отходит от кровати. Его крупный силуэт резко выделяется в темноте. Он отступает в глубокую тень у стены и словно растворяется в ней, будто его и не было.

Аура... Аура...

Имя крутится в голове, настойчивое, как навязчивая мелодия. Так звали мою маму.

Тёмная волна сна накрывает с новой силой, утягивая на дно, но теперь вместе со мной тонет и куча новых, острых, как осколки, вопросов.

Глава 5

Я открыла глаза. Солнце ярко светило в палату, и после той странной, тёмной ночи этот простой свет казался лучшим, что могло сейчас быть. Тёплые лучи из большого круглого окна легли прямо на лицо.

При дневном свете палата изменилась. Она оставалась всё той же серо-белой капсулой, но теперь краски не пугали. Белый выглядел свежим и чистым, а серый — просто спокойным фоном. Всё дышало тишиной и порядком.

Мне захотелось снова закрыть глаза, удержать это чувство покоя. Но едва я это сделала, как в темноте всплыло размытое лицо ночного гостя. Нечёткое, безэмоциональное. Только очертание и глаза, очень красивые светлые глаза. И обрывок его фразы крутился в голове.

«Он назвал имя мамы».

Неконтролируемый страх, остро пронзил солнечное спокойствие этого утра.

Я резко открыла глаза. От этого в горле запершило.

«Кто-то был здесь? Рядом? Почему он назвал имя мамы?»

Мысль, не сформированная до конца, ужалила сильнее любой физической боли. Я попыталась схватить её, собрать разрозненные осколки ночи воедино, но в этот момент дверь бесшумно отъехала в сторону.

— Папа? — я посмотрела на строгое, такое знакомое лицо, в мелких морщинках, как на карте его переживаний. — Папа, — повторила я, и губы сами растянулись в улыбке.

— Эйри! — его строгое лицо тоже смягчилось, тонкие губы чуть дрогнули. — Как ты? — в его голосе прозвучала несвойственная ему настороженная ласковость.

— Пап, я в порядке, — потрогала место за ухом, где должен был быть ТЭК. — Всё хорошо. Я цела.

— Я очень рад, — он осмотрел палату быстрым, привычно оценивающим взглядом. — Врач уже приходил?

— Да, вроде... ночью был, — я нахмурилась, пытаюсь пробиться сквозь туман в памяти. — Долго я здесь?

— Три дня. Тебе провели несколько лазерных коррекций, но последствий, говорят, не будет, — он сделал шаг ближе.

— Три дня?! — я не смогла скрыть шок. Голос сорвался. — Как ты позволил, чтобы я так долго была без сознания? У меня же были дела! Планы!

— Какая ты деловая, — в его голосе мелькнула тень былой, сухой иронии. — Тебя нельзя было выводить из сна, организм должен был восстановиться. — Он нажал на панель в стене, и из неё бесшумно выдвинулась небольшая сидуха. Отец сел, оказавшись на уровне моего лица. — Так удобнее.

Он был одним из тех, кого высокий рост не украшал, а лишь подчёркивал угловатость. Его худые руки с выступающими суставами лежали на коленях неподвижно, будто вырезанные из старого дерева. Но глаза... Живые, ярко-голу-

бье, точь-в-точь мои. Сейчас они были полны не тревоги, а того самого, хорошо знакомого, накопленного упрёка. Этот взгляд заставил меня внутренне сжаться.

— Ну вот, — промелькнуло у меня с горькой иронией. — Сейчас начнётся.

— Дорогая, — начал он, поправляя свои тёмно-седые волосы рукой, и его голос снова стал ровным, сдержанным, почти холодным. — Эти три дня были... тяжёлыми. Я вижу, ты отдохнула, и я не собираюсь тебя упрекать, не переживай.

Он сделал небольшую, но ощутимую паузу, собираясь с мыслями.

— Я хотел поговорить о том, что ты помнишь. И... — он слегка сжал губы, — о том, что ты будешь рассказывать о произошедшем.

Я удивилась.

— Пап, я всё помню. Докс подорвал...

— Не произноси имя этого бунтовщика, — резко пристав с места, но без повышения голоса остановил он меня. Глубокая морщина на лбу сжалась. — Сейчас к тебе придут из Службы Безопасности. Им ты расскажешь всё как было. Но журналистам, которые будут сегодня при твоей выписке, ты не скажешь ничего. Понятно?

Я приподнялась на локте.

— Допрос? Журналисты? — я пыталась сопоставить эти понятия в своей ещё затуманенной голове. Но те и другие... они же всё должны были видеть? Разве не так? Политика на-

шей Колонии — полная открытость. Пап, я не могу врать. Ты же сам хотел, чтобы я пошла в политику! Я не могу обманывать людей. Это... против наших законов. — Я тараторила, стараясь собрать бегущие слова в своей голове.

— Успокойся, пожалуйста. Именно такой реакции я и не хотел, — он пододвинулся чуть ближе, и его голос стал тише, убедительнее. — Пойми, ты уже взрослая. В нашей политике есть открытость, но...

— Но что, «но»? — перебила я, чувствуя, как по спине пробегают мурашки. — Это наша Колония, наш главный шаг, мы не можем молчать о теракте против системы! Мы не можем молчать об этом!

— Я, кажется, слишком много тебе разрешал мыслить самостоятельно, — он взял меня за руку. Его пальцы были холодными. — Для всех... для всех в столовой, из-за износа несущих конструкций произошло обрушение. Старое здание. Никто ничего не взрывал. Понимаешь? Может начаться паника. Наша система безопасности во всём разберётся. Но люди не готовы снова слушать о терактах. Тем более о смертях. У нас есть опыт 2123 года. Ты тогда только родилась и не помнишь, но страх... страх и непонимание людей могут повлечь за собой настоящую беду. Понимаешь?

Я смотрела, как он тщательно подбирает слова. Как его обычно неподвижное лицо выдает легкий тик у глаза. Как бежит его взгляд, будто он проверяет, нет ли где скрытых микрофонов.

— Пап, а как же открытость информации? Твой же принцип...

— Хватит, — его голос снова стал жестким, как сталь.
— Ты не ребёнок. Ты должна понимать, что... все иногда немного врут. Ради высшей цели. Ради стабильности. Ради людей, это необходимо, в политике не всё всегда гладко. Этим мы и отличаемся от большинства людей вокруг. Наше правило — правильно доносить информацию.

— Немного? — я не отступала, чувствуя, как во мне поднимается что-то чужое для меня и упрямое. — А ты не думаешь, что родственники погибших захотят знать правду? Увидеть, как погибли их близкие?

— Нет, не думаю, — он отрезал, и в его тоне не осталось ни капли сомнения. — Записей с камер не будет. Скажем, что система наблюдения в том секторе была неисправна. Вот и всё.

Он встал с сиденья, и его высокая, угловатая фигура вдруг показалась мне не могущественной, а... напряженной. Словно он держал на плечах невидимую, неподъёмную тяжесть. И в этот момент я увидела в нём то, чего никогда раньше не замечала.

— Ты... боишься? — слова сорвались с моих губ сами, тихо и отчётливо. — Пап. Чего ты боишься?

Двери снова растворились, впустив врача и двух человек в униформе.

Матовая чёрная форма облегала их фигуры, подчёркивая

не сильно широкие плечи и скрытую силу. Чёрный — цвет безопасности, оттенок, который в обычной жизни давно уже никто не носит, предпочитая нейтральные или яркие тона. Тонкие очки без дужек и обтягивающие перчатки завершали образ безличной функциональности.

Первый из вошедших был как его напарник в миниатюре, такой же собранный, но его лицо не цепляло взгляд.

Но второй... Его образ в моей памяти сохранится.

Он был выше, и в его позе читалась не служебная скованность, а сдержанная, хищная грация. Его кожа, особенно на висках и вокруг глаз, была в узоре — сеткой едва заметных, тонких шрамов, не грубых, а словно от множества микроразрезов.

И его взгляд... Он был настолько холодным и сосредоточенным, что казалось, он просвечивает меня насквозь, а не просто сканирует помещение. Он не моргнул, когда наши взгляды встретились. Просто на долю секунды его зрачки чуть сузились, будто что-то фиксируя.

Почему-то мне стало беспокойно. Не от присутствия стражей порядка, а от присутствия этого конкретного человека. В его молчаливой сосредоточенности было больше вопроса, и больше потенциальной угрозы, чем в любых словах.

Врач подошел вплотную. Папа молча отступил на шаг, его отстраненность была понятнее любых слов.

— Как самочувствие? — Врач, не дожидаясь ответа, провёл рукой в биокорсете. В воздухе замерцали голограммы с

цифрами. — Стабильное. Идёте на поправку.

— Да, нормально, — начала я, но он уже говорил дальше:

— Это и видно. Организм восстанавливается.

— Но почему я спала трое суток? — не выдержала я.

— Искусственная кома. Стандартный протокол при таких повреждениях, — он не отрывал глаз от графиков. — Сознание мешало бы регенерации. Перелом двух рёбер требовал полного покоя.

— Перелом? — я непроизвольно коснулась боков, но чувствовала лишь легкое онемение. — Это опасно?

Врач на миг перевёл на меня взгляд. Его губы натянулись в быстром, дежурном подобии улыбки.

— Абсолютно нет. Костная ткань усилена нановолокном. Теперь этот участок прочнее первоначального.

— Обнадеживающий медицинский юмор, — попыталась я поймать его глаза.

— Констатация факта, — безразлично ответил он и повернулся к двум молчаливым фигурам в форме. — С медицинской точки зрения препятствий нет. Пациентка готова.

Он отошёл к стене.

Высокий офицер шагнул вперёд. Его лицо не выражало ровно ничего.

— Посторонних прошу выйти, — произнёс он механическим, лишённым тембра голосом. — Для проведения беседы с пострадавшей.

Он стоял слишком прямо, его движения были лишены

природной плавности. Не человек, а функциональный инструмент в униформе.

Врач, бросив последний оценивающий взгляд на показатели приборов, едва заметно кивнул и бесшумно скрылся за дверью. Внезапно стало ясно, что в палате с самого начала был ещё один человек. Отец не двигался, стоя в некотором отдалении у стены, сливаясь с белизной стен, будто призрачный хранитель. Его присутствие было настолько спокойным и незыблемым, что все до этого момента подсознательно игнорировали его, как игнорируют колонну или часть пейзажа.

Допросчик пониже, уже повернувшись ко мне, открыл рот, чтобы начать. И застыл. Словно наткнулся на невидимую, но непробиваемую стену.

Папа неспешно развернулся к ним всем телом. Медленный, плавный поворот, полный непререкаемого авторитета.

— Я, пожалуй, останусь, — произнес он. Его голос был ровным, тихим, но в нём не было и тени просьбы. Он даже не удостоил чёрные формы прямым взглядом, его глаза были где-то в пространстве над их головами.

Более рослый напарник молчал, а маленький допросчик сглотнул воздух.

— Хм... — он поперхнулся, будто крошка невидимого печенья застряла в горле. — К-конечно... Вы можете присутствовать.

— Мне ваше разрешение не требуется, — отец наконец-то опустил взгляд, но не на них, а на меня. Он показал в мою

сторону рукой, жест был небрежным и в то же время безапелляционным, словно он указывал на свою собственность. — Это моя дочь.

И тогда лицо маленького допросчика преобразилось. Казалось, после этих простых слов из него выкачали всю кровь разом. Кожа на скулах и вокруг губ стала восковой, серо-пепельной. Он инстинктивно, выпрямил спину и резким, отрывистым движением поправил безупречный воротник своей матово-чёрной формы, хотя тот и так сидел идеально.

Мой отец выделялся. И дело было не только в его высоком росте, заставлявшем его слегка сутулиться. Дело было в том, что он был Верховным.

Семь Верховных ходили так всегда: в свободных, струящихся белых брюках из плотного, немнущегося полотна, которое не производили больше ни для кого. Сверху: такой же длинный, прямой пиджак свободного кроя, напоминающий древний халат или сюртук учёного-алхимика. Он не облегал, а драпировал фигуру, скрывая её линии и создавая ауру неприкосновенной, отстраненной власти. На груди, на массивной цепи из матового, почти тусклого золота, висел медальон — тяжёлый диск размером с ладонь. На нём была выгравирована лишь одна лаконичная цифра: VII.

Я с детства привыкла к этому виду. Для меня это был просто папа — строгий, далёкий, пахнущий статикой и ворчливый. Его одежда не вызывала у меня трепета, лишь лёгкое раздражение от её непрактичности. Но сейчас, наблюдая ле-

денящий ужас на лицах людей в униформе, я увидела его их глазами.

Белое с золотом. Сочетание Верховных. Цвет небесной чистоты, которой нет места в мире, и солнечной, недоступной власти. Его одежда не была просто белой: тончайшая, почти невидимая при обычном свете вышивка золотой канителью покрывала полы пиджака, манжеты и лацканы. Узоры были замысловатыми, отчужденными: стилизованные цепи ДНК, спирали квантовых состояний, ломаные графики нейроимпульсов. Это был не декор. Это был тихий, грозный язык, говоривший о доступе к знаниям и решениям, невысказанным для тех, кто стоит в форме сейчас перед нами. Каждая золотая нить была границей, которую они не смели переступить.

Он снова перевёл взгляд на допросчиков. Тишина в палате стала плотной, давящей. Давление его статуса заполнило собой всё пространство, вытеснив даже страх. Теперь их чёрные формы выглядели не угрозой, а просто служебным инструментом, замершим перед самым воплощением Системы. Их протоколы и вопросы мгновенно обесценились, превратившись в ненужный шум.

Он подошел к изголовью моей кровати:

— Мы ждём. Делайте свою работу.

Допросчик который был повыше, кивнул, перевёл взгляд на меня. И даже в его лице я уловила дрогнувший скул:

— Мы, офицеры Службы безопасности Пятого сектора,

— голос первого был лишён живой нотки, как голос синтезатора. — Номера 16732 и 17777. Наша задача — подтвердить уже собранные данные о происшествии. Вы обязаны дать показания в соответствии с Уставом Колонии и декретами Семи Верховных. — На последних словах его речь на миг замедлилась, почти незаметно. — Беседа будет записана. — Он моргнул, и оправа его очков вспыхнула тусклым зелёным светом.

Присутствие отца действовало на меня как щит. Я чувствовала себя в полной безопасности, даже если бы решила молчать. Я поправила одеяло, плотнее подтянув его к подмышкам, и слегка приподнялась на локтях.

— Конечно. Мне нечего скрывать, и я осведомлена о статье за отказ от дачи показаний, — я посмотрела на них внимательнее, отмечая одинаковую выправку. — Готова быть полезной нашей Колонии.

— Приступим. Опишите в хронологическом порядке всё, что происходило в тот день в университетской столовой.

Я начала рассказывать, стараясь быть максимально структурированной и не упустить ни одной детали. Они слушали, не перебивая. Их взгляды были прикованы ко мне, а пальцы едва заметно двигались, фиксируя информацию. На моменте взрыва голос дрогнул, в горле встал ком. Я замолчала на секунду, пытаюсь справиться с нахлынувшими образами. Сердце глухо стучало в висках. Они не отреагировали на мою паузу, лишь продолжили.

— Вы называли умершего преступника по имени. Уточните степень вашего знакомства.

— Умершего?.. Он погиб? — моя нижняя губа сама собой задрожала. Грусть и жалость накатили внезапно и не к месту.

— Вы испытываете сожаление в связи со смертью террориста? — вопрос прозвучал как удар тупым лезвием. Взгляд стал тяжёлым и оценивающим.

— Нет, это не сожаление, — я запнулась, подбирая слова, которые не могли бы быть истолкованы против меня. Внутри всё сжалось от тревоги.

— Господа, — мягко, но весомо вмешался отец. — Шок, посттравматический синдром. В её состоянии естественно испытывать диссонанс. Прошу отнестись с пониманием.

Офицеры не ответили. Они лишь в унисон, с машинной точностью, кивнули.

— Уточним: вы были с ним в близких отношениях?

— Нет. — Я выдохнула. Без отца наговорила бы лишнего. — Я знала Докса, — поправилась, — нарушителя, с детства. Но где-то два года назад наши пути разошлись.

— По какой причине?

— Без особой. Просто перестали пересекаться. Мы не ссорились, — я подняла взгляд на потолок, задумавшись на долю секунды. — Хотя... у него тогда появился новый друг, постарше. Тот жил где-то в пригороде. После этого Докс отдалился от общения со мной.

— Имя. Номер. Адрес.

— Не знаю. Честно. Я тогда была поглощена учёбой на двух факультетах. Не вникала.

— Допустим. Но вы утверждаете, что не узнали его. Как можно забыть человека за два года?

— Я не забыла. Он изменился.

— Конкретизируйте.

— Для начала, он снял корсет. Это странно, его баллы позволяли содержать хорошую модель. Плюс мы почти не пересекались в университете. Я проводила там по шестнадцать часов и даже думала, что он отчислился. И ещё... — вспомнилась его спина, широкая, будто чужая. — У него была... неестественная мускулатура. Гипертрофированная. Как у штангистов из старых спортивных архивов, но, возможно, даже больше. Это бросалось в глаза, ведь все следят за весом для корсетов. А он... он выглядел так, будто наращивал массу годами. И одевался очень просто для его статуса, в бесформенную ткань, которая только подчеркивала эту... неправильность. Вроде всё.

— Есть что добавить?

— Нет.

— Фиксация завершена. Вас могут вызвать повторно, но вероятность этого мала. — Офицер сделал шаг вперёд. — Предупреждаю: информация о подрыве не подлежит распространению. Её разглашение приравнивается к подстрекательству. Для всех это — обрушение из-за износа конструкций. Вам понятно?

— Понятно, — в голосе прозвучала язвительная нотка. — Вы правда думаете, что люди поверят в эту версию? Столько несостыковок.

Он проигнорировал мой тон.

— Люди поверят тому, что скажут в новостях. И тому, что скажем мы. Вам стоит поступить так же.

По спине пробежали мурашки. Неприятное, новое чувство. Будто меня всегда обманывали, а я лишь сейчас это осознала.

— Выздоровливайте.

Они развернулись. И я увидела их шеи. Корсеты отличались от обычных: массивнее, с усиленными пластинами, достоящими до середины затылка.

— Постойте! — Я чуть приподнялась. Их спины, угловатые и широкие, вызвали ночное страшное воспоминание. — Я кое-что ещё вспомнила.

Они повернулись синхронно, как механизмы. Слишком идеально, чтобы быть просто людьми.

— У вас есть дополнения?

— Вроде да... — На секунду мне захотелось скрыть ночного гостя. А вдруг я это придумала? — Я не уверена. Я провела во сне трое суток под лекарствами.

— Говорите. Пока не будем фиксировать.

— Мне показалось... что ночью здесь кто-то был. После осмотра врача.

— Сегодня? — Их внимание стало острым, почти физи-

чески ощутимым. — Во сколько?

— Я не уверена, точно ли это было сегодня. Поймите, я спала, препараты вводили через нанокатетер... — Я непроизвольно коснулась точки на сгибе локтя, где под кожей чувствовалась крошечная, чужая твердость.

— То есть возможно, это была галлюцинация на фоне медикаментов?

— Возможно.

— Хорошо. Проверим. — Старший повернулся к стене напротив кровати. — Открыть архив видеонаблюдения. Последние сорок восемь часов.

На стене всплыл голографический экран, показав вид сверху. Было неловко, увидеть себя со стороны, такую бледную, беспомощную, со спутанными волосами на подушке. Да ещё в таком состоянии, было странно и немного стыдно. Я на секунду отвела глаза к потолку, туда, где, наверное, была скрыта камера, но быстро вернулась к экрану.

Запись ускорили. Часы сжались в секунды, в мелькание теней от двери. Вот в кадре — врач. Его движения на записи казались такими же четкими и безличными, как и в памяти. Я невольно задержала на этом моменте дыхание, будто ожидая, что вот сейчас, сразу после него, в кадре что-то дрогнет, появится тот самый смутный силуэт, тот непонятный парень с широкими плечами. Но нет, только врач, а потом снова ускорение, пустая палата, пару раз появляется медсестра, лишь мельком заглядывая, не подходя близко к моей кроватке.

ти.

Напряжение внутри меня нарастало, словно туго закрученная пружина. Каждая секунда пустого экрана лишь усиливала тревогу. Сердце начало отстукивать нервный ритм где-то в горле.

«Где же?» — настойчиво стучала мысль. Я почти физически чувствовала приближение того момента на записи. Момент, который должен был подтвердить, что я не выдумала, не спутала бред с явью.

Изображение на стене замедлилось, застыв на кадрах моего беспокойного, но одинокого пробуждения. Внутри всё оборвалось и похолодело.

Оба допросчика развернулись ко мне с пугающей синхронностью.

— Кого вы утверждаете, что видели? — его вопрос впился в сознание, как лезвие. Неужели я всё придумала?

— Мне... мне показалось, я видела мужчину. Но теперь я не уверена, — мысли метались, цепляясь за чёткие детали, которых не могло быть во сне. Как я могла это выдумать? — Раз на записи никого нет... значит, это был сон. Или галлюцинация.

— Скорее всего, — согласился он, но в его согласии прозвучала странная, настороженная тягучесть. Весь допрос они были отстраненными, а теперь вдруг проявили интерес. — Опишите этот... Визит. Детально.

— Зачем? Мы же только что всё проверили. Это был про-

сто сон.

— Что считать сном, а что нет, решаю я, — его взгляд врезался в меня и его правая рука немного сжалась в кулак. Слова прозвучали жёстко.

— А я попрошу сменить тон, — огрызнулась я, но мгновенно взяла себя в руки, вспомнив, кто передо мной. — Я не подследственная. Я здесь пострадавшая.

— Приношу извинения. Итак, что говорил этот... сон?

— Что-то вроде: «это только начало». Такие общие слова, — я пожимала плечами, стараясь выглядеть раздражённо-безразличной. Рассказывать про маму при отце было бы безумием. — Думаю, мой страх материализовался в образ. Боль, препараты...

— Вероятно, вы правы. Но мы это проверим. С вашего разрешения?

— Конечно, — я кивнула, слишком быстро, всё ещё не в силах оторвать внутренний взгляд от пустой записи. *«Как? Как его там не было?»*

— На сегодня всё. Выздоровливайте.

На этот раз я не ответила. Они вышли беззвучно, оставив за собой тяжёлую тишину. Я медленно повернула голову к отцу. Он стоял неподвижно, но его взгляд был прикован к пустой стене, где секунду назад мерцали кадры. Он был не просто задумчив. Он был насторожен.

— Пап? Ты в порядке?

Он на секунду застыл, глядя в пустоту, затем резко

встряхнулся.

— Да, прости. Просто... я не привык видеть тебя такой.

— Беспомощной? Больной? — я попыталась улыбнуться, но имя матери, прозвучавшее ночью, жгло меня изнутри.

— Именно. Ты всегда была активной. Помнишь, как в детстве мы подключали монитор? Ты вертелась так, будто убежала от кого-то. В нашем мире так почти не спят. А ты всегда себе на уме, даже во сне, — он едва улыбнулся уголком губ и провёл рукой по моим волосам.

— Ну, пап, я и так, наверное, выгляжу ужасно.

— Ты всегда прекрасна. Совсем как твоя мама, — он сказал это с такой нежностью, что у меня в груди что-то сжалось.

— Мы так редко о ней говорим... Она была совсем молодой, когда вы встретились, да?

— Да. Ей было двадцать три. А в двадцать семь... она родила тебя. — Он мягко коснулся моей щеки. — Знаешь, она наотрез отказалась от носильщицы. Хотя в нашем кругу это... не совсем принято. Все Верховные обычно пользуются услугами носильщиц. Но она... она гордилась своим животом. Её физиология позволяла: чувствительность сохранялась чуть выше колен. Будь она из другого слоя, с другим статусом... её бы, наверное, направили в программу по вынашиванию детей. Это большая честь, но... ей повезло иначе. И мне повезло.

Он замолчал, его взгляд стал отрешенным.

— Мы были так счастливы. Это редкое чудо, знать, что

твой ребёнок растёт в животе у любимой женщины. Я, конечно, боялся. Сначала был против. Скупил все возможные корсеты для беременных, десятки моделей... Следил за каждым её шагом. Но она была сильнее всех моих страхов. Она сделала меня по-настоящему счастливым.

Голос его дрогнул, и в уголках глаз блеснули слёзы. Я взяла его руку в свои.

— Я тоже по ней скучаю. Даже почти не помня её, — я выдохнула и опустила плечи. Тема матери всегда была для нас болезненной гранью. Я посмотрела на окно. — Пап... заberi меня отсюда. Пожалуйста. Я хочу домой.

— Хорошо, — его лицо вновь стало гладким и нечитае-мым, как всегда когда он был в делах. — Но сначала обсудим твои слова для прессы. Журналисты будут ждать на выходе. Им нужно дать официальный комментарий.

— Я так и знала, — невольно закатив глаза. — Без моего участия никак?

— Ты не просто пострадавшая. Твоё присутствие необходимо. Не забывай, кто твой отец, — он поправил складку на своем бело-золотом манжете. — Одежду тебе уже везут. Выбирал сам. Всё должно выглядеть... безупречно. Ты понимаешь?

— Как же тут забудешь, — пробормотала я себе под нос, чувствуя, как в животе холодеет от предстоящей игры на публику. — Хорошо, пап. Как всегда, всё будет идеально.

Глава 6

Я шла по бесконечным, сияющим стерильностью коридорам больницы рядом с отцом. Я шагала автоматически. Под платьем я чувствовала привычный, почти невесомый вес моего корсета. Его знакомые прохладные пластины вдоль спины, легкое поддерживающее давление на бёдра. Это было единственное, что сейчас казалось по-настоящему своим.

Само платье — это очередное творение Леона, того самого дизайнера, которого боготворила вся верхушка, — оно было красивой пыткой. Белое, в пол, с вытканными серебром узорами, зеркалившими золото на одежде отца. Оно стягивало талию, а подол, искусно разорванный на сотни серебристых нитей, постоянно цеплялся за ноги и путался в тонких стойках корсета. Каждый шаг сопровождался шелестом и легким сопротивлением. Будто меня пытались удержать на месте, завернув в дорогой, неудобный флаг.

Гул наших шагов по идеально гладкому полу звучал отрешённо. Весь мой мир сузился до внутренней тишины, которую разрывала лишь одна мысль.

Я не могла забыть его. Ночного незнакомца. Разум твердил, что это галлюцинация, порождение стресса и сильных препаратов. Но где-то глубоко внутри жило упрямое чувство: это было слишком реально. Ощущение чужого присутствия в той тёмной, тихой палате было слишком яр-

ким, слишком физическим. Сдвиг воздуха, тишина, ставшая вдруг звенящей.

И страннее всего было то, что сам взрыв в столовой, теперь казался чем-то отдалённым, почти абстрактным. Он пугал, но как событие извне, часть того дикого, непознанного мира, в который я лишь заглянула ненадолго. А вот мысль о ночном госте задевала куда глубже. Мысль о том, что кто-то мог стоять в сантиметрах от моей кровати, пока я была беспомощна, проникнуть в самое интимное, охраняемое пространство, куда без разрешения не входит даже медперсонал... От этого по коже бежали мурашки. Не только от страха. От щемящего, запретного любопытства. Он был неизвестным. Загадкой. Моим личным призраком, который не значился ни в одном протоколе и принадлежал только мне.

«Нет, — резко одернула я себя, чувствуя, как под взглядом отца спина сама собой выпрямляется. — Этого не было. Быть не могло».

Но в следующую же секунду из самой глубины поднимался настойчивый шёпот: *«А если все-таки был? А если не сон?»*

Я резко встряхнула головой, стараясь сбросить наваждение. Бред. Чистой воды бред. Надо держаться за реальность: за пол под ногами, за золотой медальон отца, мерцающий краем глаза, за цель этой прогулки, которая считается моим долгом. Но где-то в груди, точно заноза, оставался тот самый вопрос, тихий и неотвязный: *«кто, чёрт возьми, это*

мог быть?»

Мои мысли прервал лёгкий шёпот и прикосновение к локтю. Это был один из помощников отца, рыжий парень с лицом, усыпанным веснушками. Куб. Его глаза, светлые и живые, смотрели на меня с неподдельным интересом, а широкая улыбка казалась на редкость простой и доброй среди этих безупречных коридоров.

Он был одет без намёка на официальный пафос, но со своим особенным вкусом. Мягкий голубой пиджак свободного кроя подчёркивал его худощавость, а брюки, казалось, были ему слегка великоваты, они спадали мягкими складками и закрывали щиколотки, что смотрелось немного странно, но по-своему уютно.

— Эйри, ты готова? — его голос звучал спокойно, он знал меня и никогда не разговаривал со мной помпезно.

— А как может быть иначе? — я легонько, игриво толкнула его локтем. — Я же дочь Верховного, меня с пелёнок учили общаться с журналистами.

— Эйри, я серьёзно, если что-то пойдёт не так, твой папа с меня три шкуры сдерёт, — немного приглушив голос. Да, из-за меня ему частенько влетало. У папы он работал лет пять и настолько же был старше меня. Но никогда не обижался на мои выходки.

— Я тоже. Не парься всё будет лучше, даже чем ты это представляешь. — Я улыбнулась, двери больницы открылись, папа вышел первый, следом я сделала шаг.

— Этого я и боюсь. — Послышалось у меня за спиной. Я старалась не засмеяться, и сделала максимально каменное и сосредоточенное лицо.

Я вышла следом за отцом и заняла привычную позицию. Чуть позади и сбоку, на расстоянии вытянутой руки. За моей спиной бесшумно встал Куб, а по бокам выстроились охранники и несколько вечно меняющихся помощников из администрации колонии.

В этом кольце внимания мне не было неудобно. Я с детства привыкла быть на виду, всегда стояла рядом с отцом на важных объявлениях. Я знала, что он, показывая меня миру всю мою жизнь, готовит мне своё место. Но в глубине души я не могла принять эту идею полностью. Порой мне казалось, что моя жизнь с самого начала мне не принадлежала. Хотя, если подумать, кому из нас она вправду принадлежит?

Свет вспышек ударил в глаза, и я автоматически подняла голову выше, приняв официальное выражение лица. Отец включил свой микрофон на ТЭК, и лёгкое шипение заполнило воздух, обещая, что его услышат все. Он стоял посередине, не на ступенях больницы, а на той невидимой высоте, которую давало ему его положение. И с этой высоты он медленно, оценивающе окинул взглядом собравшихся журналистов, позволяя им на мгновение почувствовать всю дистанцию между ними.

— Прежде всего, благодарю всех за присутствие, — его голос был ровным, сухим и идеально слышимым. — Я пони-

маю, насколько серьёзным и возмутительным выглядит происшествие, такое как обрушение части университетской столовой. Обещаю, виновные в халатности уже отстранены, а расследование ведётся в максимально сжатые сроки. — Он медленно перевёл взгляд с одного лица на другое, давая почувствовать тяжесть своего внимания. — Для всех нас, и для меня лично, это трагедия. Я... — он повернулся ко мне, сделав паузу, — чуть не потерял самого близкого человека. Свою дочь.

Я внутренне закатила глаза, но лицо осталось бесстрастной маской. Вот актёр.

— От себя лично гарантирую — он прокашлялся, — все пострадавшие получают необходимую помощь и полную компенсацию. Теперь: можете задавать вопросы.

— Сколько погибших? Как это вообще могло произойти? — крикнул кто-то из первых рядов.

— Тринадцать человек. Среди них, есть двое преподавателей, — отец сделал небольшую, скорбную паузу. — Но давайте не будем возвращаться к уже известным фактам. Здание было старым. Эти корпуса, кстати, выставались на голосование за снос в прошлом году. Но общественность высказалась за сохранение исторического облика. — Его ясный, орлиный взгляд обвёл толпу, будто фиксируя на ком-то невидимую отметку.

— То есть вы утверждаете, что люди сами виноваты? — не унимался тот же журналист.

— Вы знаете меня давно. Я не виню народ за его выбор. Я лишь с сожалением констатирую: если бы тогда к нашему мнению, мнению Верховных, прислушались... этой трагедии можно было бы избежать. Разве не так?

В толпе пронёсся одобрителный гул. Он ловил их на этом. На мнимой власти, которой у них никогда не было.

— А что будет с теми, кто непосредственно отвечал за безопасность здания? — спросил другой голос.

— Давайте дождёмся результатов расследования. Никого не хочу осуждать преждевременно. Но скажу так: жизнь наших граждан для нас дороже любых конструкций. Если будет доказана халатность, то ответственность будет суровой.

— Вопрос! — подняла руку женщина в строгом костюме. — Будет ли организовано публичное прощание с погибшими?

— Конечно. Но заранее прошу прощения за своё решение, — он слегка опустил взгляд, изображая тяжесть выбора. Для меня это был лишь его очередной тонкий ход. — Церемония состоится через десять дней. В День памяти жертв Бунта 2123 года. Думаю, это символично.

— Вы сравниваете эти две трагедии?

— Ни в коем случае. Они абсолютно разные. Но, возможно, их объединяет одно: необходимость доверия. Доверия к тем, кто несёт ответственность. Мы! Это не карающая сила. Мы! Такие же люди, и к нашему слову можно прислушаться.

Одобрителный гул стал громче. Отец поднял руку, при-

зывая к тишине, хотя в его позе читалось глухое удовольствие.

— Ещё вопросы?

— Да, у меня. — Голос был тихим, но чётким. Его издала девушка с идеально-белыми, неестественными волосами и тёмными очками, скрывающими взгляд и пол лица. — Ходят слухи, что это мог быть не обвал, а подрыв.

В воздухе повисла натянутая тишина. Гул толпы, стих.

— Слухи, — отец произнёс слово с лёгкой, снисходительной усмешкой, — ходят и о том, что в отдалённых секторах до сих пор есть настоящие лошади. Их тоже никто не видел. Вы полагаете, мы стали бы или смогли бы, скрыть нечто настолько чудовищное?

— Но что вы можете сказать непосредственно по этому поводу? — Девушка не отступала. Она говорила слишком спокойно и уверенно. У меня похолодело внутри: она знала. Или догадывалась о событиях.

— Я уже ответил. Кажется, есть другие вопросы, — он демонстративно отвёл взгляд от неё, обращаясь к толпе.

Сзади я услышала, как Куб, не меняя своей позы и даже не пошевелившись, тихо, почти беззвучно, прошептал в свой ТЭК:

— Проверить её. Всё. Сейчас же.

Стандартная процедура для слишком любопытных — проверка. При всей нашей «свободе журналистики». Мой корсет издал тихий, почти неслышный писк. Я сама удиви-

лась. За спиной послышался сдавленный шёпот:

— Эйри, корсет разряжен? — Куб старался не шевелить губами.

— Нет. С утра проверили, заряд полный, — прошептала я в ответ, не меняя выражения лица. — Самой странно.

— У тебя на шейной пластине горит красный индикатор. Пора закругляться.

— Да брось, ещё минимум полчаса ресурса точно есть.

— У тебя вообще нет инстинкта самосохранения.

— Неа. Как и у всех остальных, — я чуть сдержала смех, но отец, как будто почувствовав вибрацию, на мгновение метнул в мою сторону взгляд. Он говорил в этот момент о моём «подавленном эмоциональном состоянии», от чего мне стало ещё смешнее. Но я удержала лицо.

— Моя дочь сама сможет ответить на ваши вопросы. Эйра, выйди вперёд, пожалуйста.

— Конечно, — я сделала чёткий шаг вперёд, и в этот момент мой корсет отозвался странной, едва уловимой заминкой. Левая нога поднялась чуть тяжелее, с едва заметным, но не привычным усилием. Это было очень, очень странно.

— Эйра, расскажите, как вы пережили это событие? Что вы помните?

— Я помню всё достаточно чётко, — я посмотрела на отца. Вот бы сказать правду. — Мы с подружкой обедали после пар, и... произошло обрушение. Очнулась я уже здесь, спустя три дня.

— Подождите, вы сразу потеряли сознание? — не дав мне договорить, вмешалась та самая девушка с белыми волосами. Её голос был настойчивым. — Вы уверены, что это было обрушение? Возможно, вы слышали звук, больше похожий на взрыв?

— Если вы позволите мне закончить мысль и не позволите себе меня перебивать, то я всё объясню, — я попыталась поймать её взгляд сквозь тёмные стекла очков. Почему она их не снимает?

— Конечно. Просто нам уже известна официальная версия. Мы хотим услышать факты. Настоящие.

— Какие ещё факты? Я это живое свидетельство происходящего там. Закон об открытости информации не позволил бы мне лгать, — прозвучало более резко, чем я планировала.

— Нет! Вы врёте! Все вы врёте! Власть против правды! И ты такая же! — первые слова она выкрикнула, но последнюю фразу прошипела так, что я физически почувствовала холодок вдоль позвоночника. — Поплатишься за это.

Повисла мёртвая тишина, разорванная следующим мгновением. Охрана рванулась вперёд, толпа в панике расступилась. Но девушка была быстрой. Она резко развернулась и побежала. В нашем мире это смотрелось дико, почти неприлично. Стремительное, паническое бегство там, где все передвигаются сдержанно, в корсетах или самоходах.

Я застыла в ступоре. Никто, никто не позволял себе такого на публике. Я перевела взгляд на отца.

На его лице не дрогнул ни один мускул. Он был спокоен, как лёд.

— Наше выступление окончено, — его голос прозвучал ровно и веско, накрыв собой остатки смятения. — Прошу отнестись с пониманием. Мы все устали, а мою дочь ждёт ещё много дел, которые она пропустила. Помните: занятость — это лучшее лекарство от смуты и пустых мыслей. — Он обвёл взглядом толпу, и его выражение говорило: инцидент исчерпан. — Я понимаю, что подобные эксцессы могут смущать неокрепшие умы. — Он только что публично назвал её сумасшедшей. — Но мы не будем осуждать её агрессивно. Все должны понимать: не все болезни, увы, мы можем излечить. Подобные маниакальные идеи — это признак глубокого расстройства личности. Я прошу отнестись к ситуации с сочувствием. И лично беру её под свой контроль и опеку.

Перед нами разразилась буря аплодисментов. Люди кричали что-то радостное и приятное в нашу сторону, их глаза сияли обожанием. Если бы в нашем мире ещё оставалась старая религия, они бы сейчас молились на нас, как на святых.

Я смотрела на них, и та железная воля, с которой отец только что развернул скандал в свою пользу, вызывала во мне глухую, горячую гордость. Он не стал карать ту девушку. Он предложил ей помощь. В этом был... благородный жест сильного. Казалось бы.

В этот момент мой корсет тихо, но противно пискнул. И я почувствовала, как по спине, от поясницы до лопаток, раз-

ливается знакомая, но сейчас невыносимо сильная тяжесть. Словно внутри каркаса что-то перекошилось, сдавило. Мы привыкли к корсетам, они стали частью тела. Но такая навязчивая, почти болезненная нагрузка, вызывала во мне тревогу.

«Что-то не так», — мелькнула мысль.

Но я тут же отогнала её прочь. Сейчас это момент триумфа моего отца. Я не стану его портить. Я стиснула зубы, ещё выше подняла подбородок и заставила себя улыбаться в свете вспышек, делая вид, что ничего не произошло. Тяжесть в спине пульсировала, вторя стуку моего сердца.

Куб заметил мои попытки оставаться спокойной:

— Эйри, ты уверена, что в порядке? — он был обеспокоен моим состоянием и знал сигналы моего тела, лучше меня самой.

— Да, сейчас не до этого, — сказала я сквозь зубы. Ещё писк корсета и тяжесть его давила с каждой секундой уже сильнее. — Я справлюсь, не впервой.

К тротуару бесшумно подплыла чёрная машина. Её обтекаемые линии и глухие, непрозрачные окна действительно напоминали капсулу. Как и весь транспорт, она парила на воздушной подушке, питаясь солнечной энергией. Чёрное, идеальное облако на фоне светлых улиц. Предки представляли, что мы будем летать на автомобилях. Что ж, в чём-то они оказались правы, но до настоящего полёта технологии так и не доросли: мы можем максимум парить в сантиметрах

от земли на подомобилях и экомобилях, и это максимум нашего развития в этой сфере на сегодня.

Толпа почтительно расступилась, открывая нам путь. Я пошла сквозь этот живой коридор, улыбаясь и кивая. Каждый шаг отдавался в спине резкой, выворачивающей болью, такой непривычной и сильной, что хотелось остановиться и согнуться. Но я не имела права. Я шла ровно, подняв голову, с тем же бесстрастным выражением, что и отец.

Дойдя до машины, я обернулась к людям и легко поманила рукой, будто прощаясь после чудесной прогулки. Двери плавно поднялись, нарушая безупречную линию кузова. И с той же плавностью, не позволяя себе ни единого лишнего движения, ни малейшей суеты, я первой опустилась на мягкое сиденье. Только оказавшись в полумраке салона, я позволила себе сделать неглубокий, почти неслышимый вдох. Вслед за мной, неспешно попрощавшись с помощниками, сел отец. Движение его было величавым и спокойным, как будто ничего не произошло. А я, откинувшись на подголовник, продолжала улыбаться в темноте, пока двери не закрылись, отрезав нас от всего мира.

— Вроде всё прошло неплохо, — повернулась я к отцу, когда дверь транспортной капсулы бесшумно закрылась.

— Да, почти, — он откинулся на спинку сиденья, и я почувствовала, как капсула мягко пришла в движение.

— Пап, — начала я после паузы, глядя на проплывающие за тонированным окном дома, — с этой девушкой... с ней

ничего не случится? Я имею в виду, её правда не накажут?

— Конечно, нет. Мы заботимся о наших гражданах, — он наконец повернул ко мне лицо, и в его глазах читалась привычная, холодная убеждённость. — Ей окажут необходимую помощь. Ведь мы должны помогать таким... заблудшим умам.

Он улыбнулся. Но улыбка была кривой, безжизненной маской, надетой для проформы. Иногда его эмоции были похожи на шифр, который мне всё сложнее было разгадывать. И от этого в груди поселилось странное и непонятное сомнение.

— Пап, а мой ТЭК...

Он тут же перебил меня, доставая из внутреннего кармана пиджака небольшую, изящную коробочку из белого бархата с золотым тиснением.

— Да, старый восстановить не удалось. Вот новый, — он протянул её мне. — Функционал почти не изменился, всё, как ты привыкла. Данные уже синхронизированы. Контакты, история, доступы. Всё на месте.

Я открыла коробку. На чёрной бархатной подложке, лежал новый имплант: белый, гладкий, без единой царапины. Я осторожно взяла его и поднесла к месту за левым ухом.

— Активировать, — тихо скомандовала я.

Тончайшие, почти неощутимые щупальца устройства мягко нашли точку крепления и с лёгким, знакомым холодком вошли под кожу. Через долю секунды в моём сознании

вспыхнули привычные роботизированные голоса меню, замигал индикатор статуса.

— Спасибо, — выдохнула я с облегчением. — Я уж подумала, останусь без связи.

— Теперь к более важному, — его лицо снова стало строгим, деловым. — В виде исключения институт зачёл тебе пропущенный экзамен. Считаю, что это, конечно, не совсем честно по отношению к другим, но переносить его ради нескольких человек никто не стал бы. Так что ты официально сдала. — Он сделал паузу, глядя в пространство перед собой. — Кстати, как и твоя подруга. Сфера.

— Сфера? — мне стало неловко и стыдно. — Я даже не говорила с ней после... после всего.

— Успеешь. Сейчас тебе нужно подать документы в административный сектор. Чтобы начать работать рядом со мной. — Он произнёс это с оттенком торжественности, будто общал о великой чести.

— Пап, мы же договаривались. Да, я обещала сдать экзамен. Но я не обещала идти работать к тебе в политический отдел! Мне нравится биоинженерия. Я сама всё сдала, меня даже... — я запнулась, поймав наконец давно вертящуюся на периферии памяти мысль. — Меня же пригласили на собеседование в исследовательский отдел! А я из-за всего этого пропустила! Мне срочно нужно им написать...

— Подожди хотя бы до дома, — его голос стал резче, в нём зазвучали стальные нотки. — Я не поощряю это твоё...

увлечение наукой. И если говорить серьёзно, ты уже взрослая. Должна понимать, что твоё будущее — быть во главе системы, а не в изучении.

— Я слишком устала для этих нотаций! — сорвалось у меня, и голос задрожал от бессилия. — Я хочу заниматься наукой! Двигать прогресс! Как ты не понимаешь?

В этот самый момент в ухе тихо, но отчётливо прозвучал сигнал ТЭК, и в голове зазвучало предупреждение: *«Неисправность корсета. Срочно обратитесь к специалисту»*.

Следом пришла боль. Острая, жгучая волна прокатилась по позвоночнику, сковав тело. В ушах зазвенело. Я почувствовала, как ноги, вырвавшись из-под контроля корсета, дёрнулись и начали беспорядочно биться о пол машины, словно живые и чужие мне. Шею сжало так, что я не могла даже повернуть голову.

— Срочно обратитесь к специалисту, — повторил бесстрастный электронный голос в ухе, но это уже было не нужно. Папа резко перестал говорить. Его взгляд метнулся ко мне, и за долю секунды в его глазах исчезло всё: и раздражение, и холодная уверенность. Осталась только мгновенная, хищная собранность.

— В больницу. Сейчас же, — бросил он водителю, и его голос, тихий и чёткий, перекрыл звук моих ног, бьющих по коврику. Его рука легла мне на плечо, пытаясь зафиксировать мою дёргающуюся спину, а другой он уже активировал свой ТЭК, вызывая врача и отдавая тихие, быстрые распоря-

жения. Я видела только его сжатые губы и жёсткую линию челюсти, пока мир вокруг расплывался в белой боли и этом проклятом, безостановочном пiske в ушах.

Водитель резко опустил стекло между нами. Я боковым зрением увидела, как снаружи журналисты всё ещё толпились у входа в больницу, но нас не видели, так как автомобиль незамечено стоял чуть дальше.

— Сейчас туда не проехать, — быстро доложил он.

Я видела, как в глазах отца замелькали молниеносные расчёты. Он взвешивал риски: моё состояние, публичный скандал, удар по репутации.

Собрав все силы в кулак, я выдавила командую голосом, перекрывая писк в ушах:

— ТЭК, отключи корсет полностью.

Раздался щелчок, и корсет замолчал. Его поддержка исчезла. Ноги с глухим стуком упали на пол, снова безвольные и тяжёлые, какими и должны были быть. Каркас ослаб, отстегнулся от тела, и теперь он держался только на верхнем креплении на шее, как нелепый ошейник с цепью. Боль отступила, сменившись леденящей слабостью.

Я посмотрела прямо на отца.

— Может, в институт биоинженерии. Они там знают, как это устроено. Больница с этим не справится.

Я кивнула на водителя, едва переводя дыхание:

— И он прав. Сейчас статус важнее. Нас не должны видеть в панике.

Отец замер всего на секунду. Затем резко махнул рукой. Тёмное стекло тут же поднялось, отрезая нас от водителя чёрной бархатной стеной. Он повернулся ко мне, и в его обычно холодных глазах мелькнула редкая, почти неуловимая искра — и это не просто одобрение, а гордость.

— Ты права, дорогая, — произнёс он тихо, и в его голосе прозвучала та самая твёрдость, которая решала судьбы колонии. — Едем в Институт.

Я с облегчением выдохнула. Хоть какая-то удача, и не придётся сегодня становиться причиной публичного скандала. Корсет болтался на шее, нелепо касаясь спины уже холодным металлом, и я чувствовала себя странно. Будто меня раздели, оставив лишь самую уязвимую, неприкрытую версию себя. Но вместе с облегчением внутри играла другая, острая и хитрая мысль.

Мы едем в БИОИХ. Не в больницу, а именно туда. Значит, у меня появится шанс. Шанс объяснить, почему я не пришла на то самое собеседование, о котором отец так не хотел знать. И самое главное — сейчас он не сможет мне помешать. Любой его резкий жест, любое давление при свидетелях, будет выглядеть как слабость, как потеря контроля. А для него статус — это всё. Это игра, в которой у меня неожиданно появился небольшой, но весомый козырь.

Маленькая, тёмная доля злорадства шевельнулась внутри. Я почти улыбнулась, глядя, как за стеклом мелькают улицы. Наш чёрный автомобиль плыл сквозь город, словно цар-

ственная ладья по пустынной реке. Его пропускали везде — и не только из уважения. В нашем мире у обычных людей почти не было личных машин. Зачем? До всего можно было добраться на бесшумном общественном транспорте или вызвать такси за несколько баллов. Содержать же своё средство передвижения было бессмысленной роскошью: чудовищные налоги, страховка, обслуживание, плюс налог на пользование энергией. Выбор для большинства был прост: либо хорошее образование и комфортное жильё, либо металлический ящик, который почти никогда не нужен. Мы же проносились мимо почти пустых проспектов, и этот вакуум лишь подчёркивает наше исключительное положение.

Я перевела взгляд на отца. Он сидел, глядя вперёд, пальцы нервно постукивали по колену. Он тоже всё просчитывал. Но на этот раз я была на шаг впереди. И это не могло не забавлять меня.

Глава 7

Стеклянные двери института бесшумно раздвинулись, и мы вошли. Моё дыхание замерло на секунду, забыв даже о боли. Просторный холл, залитый естественным светом с потолочных витражей, был непохож на наши правительственные здания с их подавляющим величием. Здесь чувствовалась другая свобода. Свобода мысли, а не власти. В воздухе пахло кварцем и... зеленью. Вдоль стен в стройных кадках тянулись живые растения, а в центре, за низкой стеклянной перегородкой, журчала вода по камням небольшого, но изящного фонтана.

В самом сердце зала стояла большая круглая стойка из матового перламутрового композита. За ней сидели две девушки. Настолько похожие, что на миг мне показалось, будто я вижу двойное изображение. Если бы в нашем мире ещё оставались близнецы, я бы поклялась, что это они. Девушки уже ждали нас, видимо, предупреждённые. Их большие, миндалевидные глаза цвета морской волны с одинаковым, почти синхронным восхищением скользнули по фигуре моего отца, прежде чем перейти ко мне. У обеих были идеально гладкие, собранные в тугой хвост волосы невероятной длины — такой в нашей реальности почти не встретишь — это было нарочито, как знак принадлежности к иному миру. На их маленьких, курносых носиках держались одинаковые очки, та-

кие тонкие пластины без дужек и оправ, будто капли ртути, прилипшие к коже.

Меня внёс на руках водитель, он же охранник. Эти люди менялись у отца часто, одни уходили на повышение, другие просто исчезали. Сейчас мне было не до того, чтобы разглядывать очередного. Весь мой внутренний трепет был прикован к этому месту и к одному вопросу: что же случилось с моим корсетом?

И тут навстречу нам из глубины холла выплыл, плавно скользя, мой профессор по биоинженерии. Я узнала его сразу и не смогла сдержать слабую улыбку. Он был на своей последней модели белого кресла с воздушной подушкой. Он всегда напоминал мне со страниц учебников истории далёкий, почти мифический образ Эйнштейна. Точнее, его вольную, чуть эксцентричную интерпретацию. Конечно, у него был корсет, и он прекрасно ходил. Но Иван-Константин предпочитал коляску: он говорил, что так чувствует себя, более весомо и значимо. Само его имя, Иван-Константин, звучало здесь как старый, но гордый манифест. Оно было настолько редким для нашего времени, что мы, студенты, одно время даже не могли выговорить его правильно, спотыкаясь о твёрдые, непривычные слоги. Он был живой связью с прошлым, которое здесь, в этих стенах, не забывали, а переосмысливали.

— Эйри, — произнёс он, и его голос, тёплый и слегка хрипловатый, был полон не показной тревоги, а искренне-

го профессионального интереса. — Показывай своё непослушное железо. И рассказывай всё, как было. — Его острый и проницательный взгляд скользнул с моего лица на беспомощно болтающийся каркас, а затем — на моего отца. В этом взгляде читалось не только участие, но и вызов: здесь, в его вотчине, разбираться в поломке будут по своим правилам.

— Добрый день, Иван-Константин, — сказала я, стараясь, чтобы в голосе звучал лёгкий, почти беззаботный юмор. — Соскучилась по вам. Видимо, мой корсет тоже захотел в гости.

В это время одна из девушек за стойкой, не вставая, лёгким движением пальца в воздухе подогнала ко мне простую, но удобную модель самоходного кресла. Охранник аккуратно пересадил меня в него. Его руки были сильными и безличными, как инструмент.

— Спасибо, — сказала я, не зная его имени. Он что-то тихо произнёс на ухо моему отцу, кивнул в мою сторону. Мол, пожалуйста, и так же бесшумно удалился.

Отец стоял неподвижно, погружённый в свои мысли, явно ожидая, когда на него наконец обратят должное внимание. Это заметила вторая девушка. Она вышла из-за стойки и приблизилась к нему с безупречно-нейтральной улыбкой.

— Пройдёте, пожалуйста, — мягко указала она на широкую лестницу. — У нас есть комфортные комнаты для ожидания.

Отец не удостоил её взглядом. Его глаза были прикованы

к Ивану.

— Это надолго? — спросил он. Я знала, что в нём борются тревога и раздражение, но время всегда перевешивало.

— Не знаю, — учёный ответил сухо, но в его тоне сквозило профессиональное любопытство.

— Сначала разберёмся, что случилось. Если корсет неисправен, то подберём новую модель. А если...

— А если исправен, — резко перебил его отец, — вы перепрошьте его, уберёте дефект и отправите нас домой. Я знаю процедуру.

— Всё верно, — кивнул Иван, не смутившись. — Если у вас нет времени, предлагаю дождаться первичной диагностики. От её результатов и будем отталкиваться.

— Хорошо, — наконец отец повернул голову и впервые взглянул на девушку. Его голос прозвучал спокойно, почти ровно, но каждая следующая фраза была отчеканена из льда. — Я хочу находиться недалеко от дочери. В отдельной комнате. Чтобы меня никто не видел. Это понятно?

Даже я почувствовала исходящую от этих слов тихую, неоспоримую угрозу. Девушка лишь молча кивнула и жестом пригласила отца следовать за собой.

Они ушли, и внезапно наступившая тишина холла стала почти осязаемой. Я осталась наедине с профессором. Он подъехал ближе, и его глаза, внимательные и живые, теперь изучали не отца, а меня. И мой беспомощно болтающийся корсет.

— Ну что, Эйри, — сказал он, и от того, как он произнёс моё настоящее имя, внутри что-то ёкнуло. — Поехали за мной. Только не отставай. Разберёмся в лаборатории, она на третьем этаже. Доедешь? — Он посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнул знакомый, игривый вызов. — И не смотри, что я стар. В колясочных гонках мне нет равных.

Я тут же представила его на соревнованиях. С одной стороны это нелепая картина: человек его возраста и вида, с этой взъерошенной сединой, посреди скоростных трасс. С другой — его кресло и вправду напоминало спортивную модель: обтекаемое, на низкой тонкой воздушной подушке, без лишних деталей. Гонки на самоходах были у нас одним из самых уважаемых видов спорта.

— Если бы вы участвовали, — сказала я, уже подключая через ТЭК интерфейс кресла, — я бы ставила все свои баллы на вас.

Пытаясь освоить управление, я едва не врезалась в стойку с растением. Кресло вроде слушалось мысленных команд, но когда я думала «налево», оно начинало медленно вращаться вправо, описывая неуклюжие круги. Я вертелась на месте, как в миксере, пока Иван не вмешался. Он рассмеялся, не скрывая веселья.

— Не знаю, как бы ты выжила в другое время, или в реальном мире за столицей, — сказал он, всё ещё улыбаясь. — Остановись. Посыл в мозг, Эйри. Не думай. Просто скажи себе — стоп.

Я закрыла глаза, сосредоточилась на дыхании. Стоп.

Кресло резко замерло.

Иван-Константин кивнул.

— Давай так: я подключу твоё кресло к своему, и оно поедет следом. А то учиться будем полдня, а дело всё-таки не ждёт. Хорошо?

— Конечно, — ответила я, и внутри кольнула тихая обида. Я не справилась с такой, казалось бы, простой вещью.

Мы тронулись. Широкий холл сменился длинными, светлыми коридорами. Они расходились в стороны, как ответвления лабиринта, но в отличие от казённых лабиринтов отца, здесь не было ощущения ловушки. На стенах висели не портреты чиновников, а схемы молекулярных структур и живые, дышащие растения в нишах. Воздух пах свежей землёй.

На третий этаж мы поднялись в прозрачном лифте. Его стены были чистейшим стеклом, и я видела, как под нами уплывают вниз этажи, залитые светом. Дверь открылась прямо в лабораторию.

Пространство захватило сразу. Огромные окна в пол заливали комнату солнцем, превращая её в аквариум света. Посередине стоял массивный стол, заваленный приборами. На нём было, несколько совершенно прозрачных мониторов, уже мерцающих голограммами данных, и микроскопы сложной конструкции. Рядом, в открытых ящиках, лежали аккуратные ряды магнитов разных форм. У стены стоял аппарат, напоминающий упрощённую версию МРТ и какого-то ме-

таллического чудовища. Лаборатория казалась творческим беспорядком, но в этом хаосе чувствовался свой порядок. Каждая деталь была на рабочем месте, каждая проволочка знала своё дело.

Иван-Константин с лёгкостью поднялся со своего кресла и подошел ко мне. Он взял мой безжизненный корсет в руки, как хирург — отказной орган. Отстегнул его от шеи и аккуратно, по-отечески, вытащил его сверху, поддерживая мою спину ладонью, чтобы холодный металл не доставлял мне сильных неудобств.

Он положил корсет на ближайший стол и вернулся, присев на стул, чтобы быть с моими глазами на одном уровне. В его взгляде не было ни паники, ни раздражения, а только спокойная, сосредоточенная ясность.

— Так, — сказал он, и его голос приобрёл сосредоточенное, деловое звучание. — Рассказывай, что твоё железное второе «я» выкинуло на этот раз. И начни с самого начала. Не пропусти ни одной детали.

Я быстро, почти по-отчётному, пересказала события последних дней, стараясь выжать из них сухие факты, как нас учили. Без эмоций. Без оценок. Только хронология: обрушение, больница, допрос, выписка.

— Да, пережила ты немало, — тихо сказал профессор, уже вставая. Он аккуратно сложил мой корсет, превратив его в компактный ошейник, и поместил в металлический ящик с матовым стеклянным окном. — Только ведь это не обру-

шение было. Верно?

Вопрос повис в воздухе, острый и неожиданный. Внутри всё сжалось. Мысли закружились в лихорадочном вихре: что можно сказать? Что нельзя? Он же профессор, но...

— Я... не могу говорить об этом точно, — выдохнула я, и голос прозвучал слабее, чем хотелось.

— Не бойся конфиденциальной стороны, — он повернулся ко мне, и его взгляд был не допрашивающим, а мягким, укрывающим. — Как врач и учёный, я храню тайны. Твои, кстати, в том числе. Знай это. Но я также кое-что знаю и о том дне.

Мозг лихорадочно соображал: откуда? Как? Профессор, кажется, прочитал немой вопрос у меня в глазах.

— Я знаю, потому что был там. В тот день в университете. Читал лекцию в соседнем крыле.

Напряжение внутри начало медленно таять, сменившись волной облегчения. Он не выпытывал. Он констатировал. Но вместе с облегчением пришла и острая, щемящая стыдливость. Я врала. Пусть и молчанием. Ему, который первым увидел во мне не просто дочь Верховного, а ум, способный к науке.

— Да, вы правы, — прошептала я, опустив глаза.

— Давай оставим это сейчас, — сказал он, и в его голосе не было упрёка, только понимание. Он нажал несколько сенсорных кнопок на ящике. Тот тихо пискнул, внутри зажурчали жидкости, и на дисплее загорелся обратный отсчёт: 09:59.

— У нас есть десять минут. Не хочешь взглянуть на моё последнее исследование, пока ждём? — Он кивнул в сторону своего рабочего стола, и в его глазах мелькнула знакомая, зажигающая искра — именно та самая, с которой он показывал когда-то мне первую культуру нейронов. Это был мост обратно в нормальность. В наш общий, понятный мир.

— С радостью! — вырвалось у меня, и я, забыв про всю осторожность, резко подъехала к его столу. Боль в спине, неловкость коляски это всё отступило перед детским, жадным любопытством.

— Это, — начал он, указывая на микроскоп, а точнее — на голографическое изображение, висевшее над ним.

— Это магнит, — перебила я, даже не осознав этого. Мысль уже опережала речь. — Но форма... Она обтекаемая, минималистичная. Похож на зерно риса.

Я прищурилась, вглядываясь. Рядом на втором экране бежали строки химической формулы и биологической совместимости.

— Ого. Это же не просто наночастица. Это биохимический гибрид, — пробормотала я, переводя взгляд на график распределения. — Вы создали прототип. Но для чего? — Наконец я оторвалась от изображения и посмотрела на профессора. Он лишь молча наблюдал за ходом моих мыслей, и в его глазах светилось одобрение.

— Подождите... — моё внимание привлекла стеклянная колба с прозрачной жидкостью. Внутри, едва уловимо мер-

чая, плавали такие же частицы. Невооружённым глазом их было почти не разглядеть. — Они ещё меньше... Нано-магниты. И они... — я увидела вторую голограмму, модель позвоночного диска. Частицы концентрировались в области микротрещины, образуя динамичную, живую сетку. — Они катализировали процесс регенерации. Не просто доставляют препарат, а... становятся каркасом для заживления на клеточном уровне.

Я замолчала, поражённая — не грандиозностью, а той изящной простотой, что скрывала за собой невероятную сложность идеи. Потом снова взглянула на Ивана.

— Это... для людей? Для всех нас, с нашими... особенностями? Чтобы лечить причину, а не носить внешний костыль всю жизнь?

— Да, а теперь посмотри сюда, — он провёл рукой в воздухе, появилась ещё одна голограмма. — Это структура нашего вируса, которая...

— Лишила нас возможности ходить, я понимаю. — Я жадно изучала схемы.

— Да, мы выяснили, что он не просто повредил нас. Но он остался в нас навсегда. Как ты, может, помнишь, был по истории Вирус Иммунодефицита Человека? Который не могли истребить из-за его сложной структуры.

— Конечно, помню, но его вроде победили к 2030-му году, с помощью одного донора, — я посмотрела на профессора внимательнее. — Нашли реципиентов и идеального доно-

ра и внутри этого человека создали не просто блокатор вируса, а вакцину побеждающую его.

Иван улыбнулся:

— Ты точно не пропускала мои лекции. — Он одобрительно кивнул. — Сейчас мы сделали то же самое.

Я задумалась о процессе не отводя взгляд от схем.

Тишину лаборатории нарушало лишь размеренное гудение оборудования. Я сидела в коляске, всё ещё ощущая непривычную, свинцовую тяжесть в теле. Но мысли мои были уже там, в этой светящейся голограмме. В будущем, где, возможно, не нужны будут эти ажурные каркасы и бесшумные коляски. Где исцеление будет тихим, невидимым процессом изнутри. Где люди не будут знать, что такое жить в ожидании следующего сбоя.

— Это... будущее, — выдохнула я с тихим, почти благоговейным восхищением.

— Наше с тобой едва ли. Но их, следующих детей, это вполне возможно, — его слова прорезали воздух со спокойной, учёной прямоотой. В этот момент сканер издал короткий писк и замер.

— Диагностика завершена, — я перевела взгляд на металлический ящик, где лежала часть меня.

— Да, — профессор медленно отошёл к центральному терминалу.

— Постойте... Почему, едва ли? — не удержалась я.

— Потому что процесс, если мы его когда-нибудь доведём

до ума, будет работать на пластичных, формирующихся тканях. На детских. Наши же скелеты... — он взглянул на меня поверх очков, и в его глазах читалась не жестокость, а усталая ясность биолога, — наши скелеты и нервные пути уже давно сформировались и зафиксировались в своём состоянии. Мы, увы, заостенели в прямом и переносном смысле.

— Заостенели — это не совсем научный термин, — попыталась я пошутить, подъезжая ближе, но голос дрогнул. — Но даже если это будущее только для следующего поколения... даже если они будут жить, как жили люди сто лет назад... это ведь всё равно потрясюще?

— Конечно. Ещё бы нам разрешили... — он начал, но резко оборвал себя на полуслове, будто наткнувшись на невидимую стену. Его взгляд прилип к данным с моего корсета, выведенным на большой экран. — Что ты здесь видишь?

— Профессор, вы переводите тему? — спросила я с кривой улыбкой.

— Вот когда официально устроишься в нашу лабораторию, тогда и поговорим о запретных темах. А сейчас сосредоточься. Что ты видишь? Где узел проблемы?

Я вздохнула и придвинулась вплотную, заставив себя переключиться. Передо мной парило объёмное изображение моего корсета, медленно вращающееся в воздухе. Я протянула руку, коснулась сенсорной панели и начала вращать модель, вглядываясь в переплетение силовых линий и энергетических потоков.

— Я не вижу явной неисправности, — наконец сказала я, отводя руку от голограммы.

— И я, — сухо и задумчиво согласился он. Его взгляд был прикован к мерцающим линиям данных. — Значит, проблема, скорее всего...

— ...в моих магнитах, — договорила я за него, чувствуя, как в животе холодеет. Отказ имплантов вдоль позвоночника, это уже не поломка корсета, а медицинский случай. Личное. Сокровенное.

— Будем искать причину, — он выдохнул, стирая голограмму с резким движением руки. — Запущу углублённую диагностику. А тебе пока стоит... — он скривил губы, будто пробуя что-то кислое, — поехать и предупредить своего отца о задержке.

— Профессор, а почему вы его недолюбливаете? — вопрос вырвался сам, нарушая негласное табу. Я всегда чувствовала это лёгкое, но упругое напряжение между ними. — Вы же в молодости преподавали у него. И с мамой, я слышала, вы хорошо общались.

Иван-Константин замер на секунду, его пальцы застыли над сенсорной панелью. Затем он медленно обернулся, и его лицо снова стало маской учёного — такой вежливой и непроницаемой.

— Давай так: ты скажешь ему, что задержишься часа на два или три. А здесь мы потом обсудим что-то более интересное, чем старые истории, — он мягко, но неумолимо на-

правил мою коляску к другой двери, ведущей не к служебному лифту, а в коридор. — И я никак не... отношусь к твоему отцу. Я — учёный. Он — политик. Наши пути просто разошлись. Не придумывай лишнего, ладно?

— Хорошо, — тихо согласилась я, пропуская мимо ушей его заверения.

«Когда-нибудь, — пронеслось у меня в голове, пока двери тихо смыкались, скрывая его фигуру, — я всё-таки узнаю, что между вами произошло на самом деле».

Я выкатилась из лаборатории, и меня будто проглотил длинный стеклянный тоннель. Коридор был прозрачным со всех сторон — и стены, и даже пол под воздушной подушкой моей коляски. Свет лился отовсюду, заливая всё мягким сиянием. Подо мной, внизу, открывался огромный, светлый холл института, и люди в нём с этой высоты казались маленькими, плавно движущимися фигурками, будто в аквариуме.

Каждый раз, когда я здесь оказывалась, меня охватывало тихое восхищение. Этот институт был не просто зданием, он казался порталом в то будущее, о котором я мечтала. Настоящее, честное, светлое. И сейчас, скользя по этому хрустальному коридору, я чувствовала, как внутри зажигается та же самая, знакомая надежда. Здесь всё было возможно. Здесь не было лжи.

Искать долго не пришлось. Его голос, такой пугающий жёсткий, сдавленный, с непривычной для публики нотой ярости, пробивался из-за одной из матовых серых дверей,

предназначенных для частных разговоров.

— ...Я не понимаю фразы «она ушла»! Как она могла сбегать?! Камеры? Как они могли быть отключены? У неё приметная внешность! Белые волосы как минимум... какой парик? Одежда и парик? В каком переулке?

Я замерла, будто наткнувшись на невидимую стену. Сердце застучало сильнее. Он говорил о той журналистке.

...Мне всё равно! Найдите её! Таких, как она, нужно не лечить, а допрашивать и уничтожать. Ясно?! Она всё слишком хорошо продумала. Подключите спецгруппу, если нужно. Они все связаны, поэтому никакой жалости. Найдете и сразу на ток и в подвал. Понятно?

Каждое слово било по сознанию, как удар током, о котором он только что говорил. Несколько часов назад он сидел рядом со мной и с отеческим снисхождением говорил о помощи, о лечении, о милосердии к сбившейся с пути душе.

Внутри всё перевернулось. Лёд пробежал по коже, сменившись приливом жара. Это не могло быть правдой. Мой отец, Верховный, человек, чьё слово для меня было законом... лгал. Холодно, цинично, без тени сомнения.

Дверь передо мной резко открылась. Он стоял на пороге, его лицо ещё не успело сменить выражение. Глаза, обычно холодные и расчётливые, горели сдержанной яростью. И эта ярость на секунду уперлась прямо в меня.

Весь идеальный, выстроенный как хрустальный дворец, мир вокруг дал трещину с тихим, звенящим звуком внутри

меня.

Глава 8

— Эйра? — Его взгляд был нервным, но мгновенно сфокусировался на мне, как на новой задаче.

— Давно здесь стоишь?

— Только что подъехала, — взяв себя в руки, я старалась, чтобы голос не дрогнул. — А ты... с кем-то спорил?

— Нет. Рабочие моменты. Не обращай внимания, — его голос, ещё секунду назад резкий, стал ровным и гладким, как стёклышко. — Почему ты всё ещё в кресле?

— Поэтому и ищу тебя. Нужна дополнительная диагностика, первая ничего не показала. Но, вероятно, проблема в магнитах.

— Странно, — он вышел в коридор, полностью переключившись на меня. — В больнице никаких отклонений не нашли. Надолго это?

— Часа на три, думаю, — я попыталась отъехать, давая ему пройти, но коляска дёрнулась и глухо стукнулась о стену. — Восьмой верховный! Я совсем не умею этим управлять.

— Конечно, не умеешь, — в его голосе прозвучало знакомое превосходство. — Тебе по статусу с детства полагался корсет. И он у тебя был.

— Да-да, я в курсе, — я закатила глаза. — Но хотелось бы научиться на всякий случай.

— На какой случай? — его тон стал жёстче. — Если про-

блема в корсете, то его заменят. Если в магнитах, то их откорректируют. Ты не в том положении, чтобы просто кататься. Это не для тебя.

— Положение, статус... — я с трудом сдержалась, сжимая подлокотники. — Слышу это с пелёнок.

— Я не буду тебя ждать, — резко отрезал он. — У меня дела. Я не могу тратить целый день, ожидая, пока тебя починят. Из-за твоей больницы я и так потерял достаточно времени.

— Говоришь, будто я сама это организовала, — пробормотала я. Его любимая игра — сделать виноватой, даже когда я ничего не выбирала.

— Я поеду. Если понадобится помощь или будут результаты, то позвонишь, — он проигнорировал мои слова, даже не удостоив их взгляда.

— Хорошо, — сквозь зубы сказала я, пытаюсь выровнять коляску. Губы сами собой задрожали, от злости и от беспомощности. — А проводишь до лаборатории? Хотя бы до двери.

Он посмотрел на мои неуклюжие попытки, и что-то в его строгом, затянутом в узлы лице дрогнуло. Не раздражение. Скорее... что-то вроде усталой боли. Он вздохнул, коротко и почти неслышно.

— Давай, — произнёс более тихим, почти обычным, но уже другим тоном. Он не просто уступил. Он не выдержал вида моего проигрыша в этой глупой борьбе со стеной. — Я

провожу.

— Спасибо, пап.

Холодный металл коляски коснулся спины сквозь тонкую ткань платья, заставив вздрогнуть. Я не успела даже среагировать, как отец, подойдя сзади, легонько подтолкнул конструкцию. И она... ожила. Не просто послушалась, а всплыла — плавно, беззвучно, приняв идеально ровное положение в воздухе, будто её всё это время держала невидимая, уверенная рука.

Мы двинулись вперёд по чистому коридору, и тут же, словно по тайному сигналу, из-за поворота напротив нам навстречу выплыл профессор. Его появление было таким же бесшумным и предсказуемым, как работа систем в этом здании. Его взгляд — очень быстрый, оценивающий, скользнул с отца на меня, на коляску, будто считывая новую расстановку сил.

— Эйри, — раздался голос профессора. Я не видела лица отца, но по напряжению воздуха за спиной поняла: он скривился от такого произношения моего имени.

— Я как раз за тобой. Поедем на четвёртый этаж, нужно пройти сканер для проверки магнитных узлов, — профессор говорил ровно, но смотрел не на меня, а куда-то поверх моего плеча, будто отчитывался перед отцом.

— Конечно, — быстро сказала я, стараясь поймать его взгляд. — Мы как раз к вам и направлялись.

Потом обернулась к отцу:

— Ты пойдёшь с нами? Или на работу?

Внутри всё мелко дрожало. Мне отчаянно хотелось, чтобы он сказал простое — да. Чтобы просто шёл рядом, молча, как в детстве, когда мир казался слишком большим и сложным. Маленькая девочка, спрятанная где-то глубоко, цеплялась за эту надежду.

— Нет. У меня дела. Ты не маленькая, справишься.

В его глазах мелькнуло что-то жёсткое, похожее на разочарование. Он перевёл взгляд на профессора.

— Но я жду от вас результатов. Моя дочь должна ходить. Это понятно?

— Безусловно. Мы вернём её на ноги, — ответил профессор с лёгким наклоном головы.

Между ними на мгновение повисла тишина, густая и измеряющая, как будто они оценивали не слова, а что-то другое: влияние, статус, скрытые возможности.

— Хорошо, — наконец сказал отец.

Он наклонился ко мне, и его губы на мгновение коснулись затылка. Демонстративно, почти театрально. Этот поцелуй был не для меня, он был знаком, меткой, адресованной профессору и всем невидимым наблюдателям.

— Удачи. Увидимся позже.

— И тебе, пап.

Он выпрямился, развернулся и ушёл прямо по коридору, не оглядываясь и не удостоив больше никого взглядом. Его шаги звучали чётко и одиноко, пока не растворились в тихом

гуле института.

Профессор, посмотрев на меня:

— Поедем? — профессор оценивающе взглянул на мою коляску. — Я подключу тебя к своему управлению, будет проще.

Он отдал голосовую команду своему ТЭКу, и я почувствовала лёгкий щелчок в основании кресла. Оно снова оживо, но теперь его движение было чужим и плавным, точным и полностью подчинённым воле другого.

Мы молча направились к лифтам. Поднявшись на четвёртый этаж, я замерла. Создавалось ощущение, что мы не поднялись, а спустились куда-то в подземелье. Никаких окон. Ни того мягкого, рассеянного света, что заливал остальной институт. Только холодное, голубоватое сияние панелей в потолке, отбрасывающее резкие тени. Коридор был длинным и пустым, а двери — массивными, лишёнными оконцев, словно входы в сейфы. Воздух был спёрт и пах медикаментами и металлом.

В ухе тихо пискнул ТЭК, и в голове послышалось сообщение: «Соединение прервано».

— Здесь... нет связи? — мой голос прозвучал громче, чем я ожидала, отразившись эхом от гладких стен.

— Нет, Эйри, — спокойно ответил профессор, не замедляясь. — Это режимный этаж. Повсюду глушилки. Здесь находятся лаборатории, куда посторонним вход запрещён.

Что-то ёкнуло внутри, это странная смесь страха и щемя-

щего любопытства.

— То есть я сейчас... на секретной территории? Мне вообще сюда можно?

— Можно. Мы едем на сканирование. В сами лаборатории я тебя без допуска не проведу, конечно.

— Жаль, — вырвалось у меня почти шёпотом. — Я бы хоть одним глазком взглянула.

Профессор на секунду задержал ход и обернулся ко мне. Его лицо в холодном свете казалось вырезанным из бледного камня, он был очень спокоен.

— Твоё любопытство, Эйри, — произнёс он без укора, но и без улыбки, — либо станет твоей силой, либо твоей гибелью. Не думай, только что это угроза, просто факт, который ты должна учесть.

Он снова повёл коляску вперёд, а его слова повисли в воздухе, словно частицы пыли, подхваченные невидимым вентилятором.

Мы двигались по бесшумному коридору, пока не уперлись в тупик — ещё одна массивная дверь, ничем, казалось бы, не отличающаяся от других. Только здесь я разглядела небольшую табличку: «Сканер». На остальных дверях, мимо которых мы проезжали, ничего подобного не было.

Профессор приблизил коляску, и луч сканера скользнул по его сетчатке. Дверь бесшумно отъехала в сторону.

Внутри нас ждала небольшая комната, целиком отделанная матовым металлом. Но в ней уже было подготовлено

всё для моего прихода: свет приглушён до мягкого сияния, а капсула посередине стояла с открытой крышкой, словно меня ждали. Я помнила такие с детства, когда ложишься внутрь, и невидимые лучи просвечивают каждую клеточку. По стенам горели голографические мониторы, но их мерцание было настроено на спокойную, ненавязчивую частоту.

— Вот мы и приехали, — сказал профессор, и его голос в этой металлической комнате прозвучал тише, почти бережно. Он отключил коляску от своего управления, но не стал её подталкивать, просто дал мне время осмотреться. — Как самочувствие, дорогая? Готова? Не испугаешься?

— Выбора у меня всё равно нет, — тихо ответила я, но уже без прежней горечи. — Отец ведь сказал. Я должна ходить.

Профессор наклонился чуть ближе, поправляя что-то на панели капсулы, и его взгляд, когда он снова посмотрел на меня, был тёплым и очень внимательным.

— Это я понимаю. Но я спросил не о выборе, — он сделал небольшую паузу. — Эйри, а ты сама-то хочешь ходить?

Вопрос застал меня врасплох. Но в его тоне не было ничего от холодного анализа, а только искреннее, почти отеческое участие.

Казалось, он и сам не ожидал, что спросит об этом.

— Конечно, хочу, — я улыбнулась. Как может быть иначе? Коляски — это не моё. И никогда моим и не было.

— Тогда давай сделаем всё, что в наших силах, — мягко

сказал он. — Я помогу тебе перебраться. Он не стал торопить меня. Терпеливо поддерживал под локоть, когда я неуклюже перебиралась с сиденья коляски на прохладную, но уже не ледяную поверхность капсулы. Кто-то заранее отрегулировал температуру.

— Удобно? — спросил он, поправляя подголовник. Его движения были точными, но какими-то... заботливыми.

Я кивнула, не в силах вымолвить и слово. В этом холодном металлическом помещении именно его присутствие, тихое и надёжное, вдруг стало самым тёплым, что у меня было.

Стеклянная крышка капсулы плавно опустилась, и мир погрузился в полную, давящую тишину. Эти капсулы были звуконепроницаемыми. Я знала, что это ненадолго, поэтому клаустрофобии или паники не чувствовала, а лишь небольшое, фоновое напряжение.

Повернув голову, я увидела, как профессор что-то нажал на панели, а затем показал мне поднятый большой палец. Я кивнула в ответ — всё в порядке.

Дальше я могла только наблюдать сквозь матовое стекло. Сканер заработал, и внутри капсулы вспыхнул яркий, рассеянный свет. Он заливал всё, делая моё отражение в стекле бледным и размытым, а мир снаружи превращался в темное, неясное пятно с редкими цветными бликами от мониторов.

Профессор снова что-то показал жестом и я поняла, что он сейчас выйдет. Снова кивнула, стараясь выглядеть спокойной.

Его силуэт стал удаляться, растворился в открытом проёме двери. И в этот момент, в узкой полосе открытого пространства, я смутно различила еще один силуэт в коридоре — высокий, замерший. И напротив, через проход, на мгновение распахнулась другая дверь.

Любопытство пересилило. Я прищурилась, пытаюсь всмотреться сквозь ослепляющий внутренний свет. В ярком прямоугольнике чужой комнаты открывалась огромная, залитая холодным сиянием лаборатория. Стекланные ячейки... или клетки? Вряд ли, наверное, боксы для животных, подумала я сначала, стараясь успокоить себя.

Но в следующую секунду в одной из ячеек чётко обозначился силуэт. Высокий, вертикальный. Слишком прямой, чтобы быть зверем. Слишком... человеческий.

Это был человек. Точно человек.

Дверь резко закрылась, отсекая вид. Свет в капсуле по-прежнему бил в глаза, но теперь он казался ледяным. По спине, будто сотнями мелких игл, пробежал животный, немой страх. Я замерла, не в силах пошевелиться, сжимая пальцы на холодной поверхности ложа. Капсула гудела тихим, равнодушным гудением, сканируя моё тело, а в голове, снова и снова, всплывало это изображение: стерильная лаборатория, стекланные ячейки, и в одной из них — фигура, которая смотрела прямо в темноту. Или мне это только показалось?

Я осталась одна. Наедине с гулом машины, ярким светом слепящих ламп и мыслями, от которых кровь стыла в жилах.

Мысли путались, наслаивались одна на другую и не давая сосредоточиться. Этого не может быть. Эксперименты на людях запрещены — абсолютно, на всех уровнях. Мне показалось. Должно было показаться.

Сканер гудел ровным, успокаивающим гудением, и этот звук казался сейчас насмешкой. Он изучал каждую молекулу моего тела, в то время как мой разум заикливался на одном мимолетном образе.

Стоит ли спросить? Но задать вопрос — значит признать, что я что-то увидела. А если мне действительно показалось? Я выставлю себя параноиком, ребёнком, которого пугают тени. Но если не показалось... Ответят ли мне правду? Профессор был добр, но он тоже часть этой системы. Часть этого места со стальными дверями и глушилками.

И самый главный, самый холодный вопрос: как теперь это проверить?

Я зажмурилась, пытаюсь заставить дыхание быть ровным. Свет сквозь веки был красным и пульсирующим. Проверить можно только одним способом — увидеть снова. А для этого нужно будет оказаться здесь ещё раз. Или найти иной путь.

Капсула мягко вибрировала, завершая цикл. А я лежала, чувствуя, как уверенность в знакомом мире даёт очередную трещину, сквозь которую пробивается ледяной ветерок сомнения. Профессор говорил, что моё любопытство может быть опасным. Теперь я начинала понимать, что он имел в виду. И всё же... он был так внимателен. Неужели это тоже

часть какой-то игры?

Я открыла глаза и уставилась в матовый потолок капсулы, где отражались цветные блики данных. Теперь мне предстояло не просто пройти обследование. Мне предстояло решить — закрыть на это глаза или начать искать ответы. И оба варианта меня пугали.

Это простое и логичное решение пришло внезапно, как спасительный круг. А может, просто забыть? Да, именно. Он ведь был прав, что моё любопытство сейчас лишнее. Оно может всё испортить. Я просто... сотру этот случайный образ из головы. Выброшу его, как ошибочный пиксель на экране.

Я посмотрела на своё отражение в матовом стекле — такое бледное лицо, широко открытые глаза. Смотрела прямо в них, пытаясь найти в них уверенность, а не смятение.

— Забуду, — тихо, но твёрдо сказала я стеклу и самой себе. — Просто забуду.

Слова прозвучали в идеальной тишине капсулы, будто заклинание. Я повторила их про себя ещё раз, пытаясь вложить в них всю свою волю.

Но в отражении глаза не обманывали. В их глубине, за нарочитой решимостью, всё ещё мерцал тот самый, только что заданный вопрос. И губы, произнёсшие эту фразу, были слишком плотно сжаты. Тело помнило мгновенный укол страха, который разум теперь приказывал игнорировать.

Я откинула голову на подголовник, закрыв глаза, пытаясь сосредоточиться на ровном гуле сканера.

— Забуду, — снова прошептала я мысленно. Но чем настойчивее я это делала, тем чётче вставал перед внутренним взором тот силуэт за стеклом. Не животное. Человек.

Капсула мягко вибрировала, завершая работу. Скоро крышка откроется, и мне придется смотреть профессору в глаза. И я сделаю это. Я улыбнусь. Я скажу, что всё в порядке.

Я просто забуду. Пока что.

Капсула мягко замолчала, и крышка с тихим шипением отъехала в сторону. В комнате было пусто. Профессор всё ещё не вернулся.

Меня дёрнула с места. Быстрая, как осколок, мысль пронеслась в голове: а что если подъехать и просто взглянуть? Только одним глазком. Чтобы успокоиться, чтобы знать наверняка.

Я посмотрела на свою коляску, стоящую рядом. Дотянувшись до неё рукой, я быстро и неуклюже перебралась обратно. Ладони скользили по холодной обивке. Подключив ТЭК, мысленно дала команду двигаться, к той самой двери напротив. К двери, за которой...

Сердце начало колотиться где-то в горле, громко и неровно, заглушая тишину. В ушах стоял его назойливый, панический стук. Ладони стали влажными. Я должна убедиться. Или... может, не должна?

Коляска плавно подплыла к массивной двери. Она была закрыта. Я подъехала вплотную, почти уткнувшись в холодный металл. Ничего не произошло. Она не реагировала на

моё присутствие.

— Вот же, — с внезапной досадой поняла я, — она же на сетчатку. Как у профессора.

Отчаянно, почти панически, я стала водить взглядом по периметру двери, ища хоть какой-то сенсор, панель, щель — что угодно. Но поверхность была идеально гладкой, без единой кнопки, без намёка на сканер. Только матовый, непрозрачный металл и едва заметные стыки.

Моя смелость, хлипкая и внезапная, разбилась об эту неподвижную преграду. Я сидела в нескольких метрах от тайны, которую возможно сама придумала, но не могла сделать ни шага дальше. И от этого бессилия страх накатил с новой силой. Что, если сейчас вернётся профессор? Что, если кто-то наблюдает за мной? Я резко отъехала от двери, будто обожглась, и замерла посередине комнаты, пытаюсь унять дрожь в пальцах и бешеный ритм сердца. Теперь мне оставалось только ждать. И делать вид, что ничего не произошло.

Долго ждать не пришлось. Двери бесшумно раздвинулись, и в комнату вплыл профессор. На его лице играла лёгкая, почти не привычная улыбка.

— Эйри, — сразу же обратился он ко мне, но заметил, как мой взгляд произвольно ускользает за его спину. В открытый проём двери, туда, в коридор, где среди других массивных плит была и та самая дверь. — Что-то случилось? — его голос стал чуть тише, внимательнее наблюдая за моим взглядом. — Тебя что-то напугало?

Я резко отвела глаза, словно пойманная на чём-то, и заставила себя сфокусироваться на его лице. Собрала всё своё самообладание.

— Нет, всё хорошо, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Не думай об этом. Не сейчас. — Что там с результатами?

— Поедем обратно ко мне, там вместе всё посмотрим, — предложил он, уже подключая мою коляску к своей системе. Его движения были спокойными, но взгляд ещё раз скользнул в сторону коридора, прежде чем дверь начала закрываться. — Думаю, тебе у меня понравилось больше, чем здесь.

— Да, здесь как-то... жутковато.

— Это из-за света, — легко отозвался он, направляя нас к выходу. — Просто этот этаж для экспериментов и опытов, поэтому и обстановка соответствующая.

На слове, «экспериментов», мы выехали в коридор. Краем глаза я снова увидела ту дверь, только теперь она была просто одной из многих в длинном ряду. Но холодок уже пробежал по спине. Я отвела взгляд, чувствуя, как пальцы впиваются в подлокотники. Коляска везла меня автоматически, не давая замедлиться или обернуться.

«И это к лучшему», — пронеслось в голове.

— Профессор, вы сказали, экспериментов... таких, как мы раньше ставили на парах? — спросила я. Вопрос был в духе моего обычного любопытства, но сейчас он прозвучал в воздухе странно, как будто натянуто и неестественно.

— Почти, — ответил он, и в его голосе что-то едва уловимо дрогнуло. На этой фразе он слегка увеличил скорость, будто торопясь покинуть этот этаж. Было ли это случайностью? Или он и правда боялся, что я задам ещё один вопрос? Может, это мне только показалось. — Чуть сложнее. Но от этого они и интереснее.

Больше я не задавала вопросов. Наверное, молчание могло показаться подозрительным, но как только мы оказались на знакомом третьем этаже, где свет был тёплым, а стены — не голым металлом, а панелями под дерево, я наконец расслабилась. Въехав в его лабораторию: просторную, немного захламлённую и мерцающую голограммами неспешных формул, я почти убедила себя, что всё привиделось.

Иван-Константин. Самый добрый и отзывчивый человек своей эпохи. Он всегда был ко мне тёпел, да и не только ко мне — его уважали в институте даже уборщики. Он не мог быть замешан ни в чем... тёмном. Пока я размышляла об этом, профессор уже подплыл к своему рабочему столу и стал изучать результаты сканирования, выведенные на несколько экранов сразу.

— Ну что, доктор, жить буду? — игриво спросила я, подъезжая ближе.

Он обернулся, и на его лице появилась приятная и спокойная улыбка.

— Конечно. У меня для тебя хорошие новости: корсет исправен. Но магнитная плата на позвоночном магните, види-

мо, повредила́сь от резкой нагрузки во время взрыва. Это легко поправить лазерной пайкой. Через час ты будешь ходить как раньше.

— Я так и знала, что именно вы меня на ноги поставите, — сказала я, и в голосе прозвучала искренняя благодарность, смешанная с облегчением.

— Эйри, — он мягко покачал головой, — это мог сделать любой квалифицированный инженер в нашем отделе.

— Не преуменьшайте своих заслуг, — настаивала я, но уже улыбаясь. — Я доверяю только вам.

Профессор тихо хмыкнул, но в его глазах мелькнуло что-то похожее на грусть. Или мне опять показалось?

— Хорошо, хорошо. Тогда давай приступим. Пойдём к лазерному стенду, — он отцепил мою коляску и жестом пригласил следовать за ним вглубь лаборатории, к аккуратному аппарату, напоминающему щупальца фантастического создания. — Это не больно. Только немного щекотно.

Пересев на белый стул без спинки, я почувствовала лёгкую нервозность. Иван быстро настроил программу на мониторе, и лазерные щупальца аппарата плавно пришли в движение. За спиной пробежала волна сухого, направленного тепла.

Я ощутила лёгкие, точечные уколы в нижней части позвоночника, совсем не больно, но и не особенно приятно. Было похоже, будто невидимая рука аккуратно зашивает что-то прямо в воздухе, а движения тонких лучей действительно

напоминали работу иглой. Я сидела неподвижно, пока профессор, водя пальцами по голограмме экрана, с хирургической точностью исправлял повреждение.

Сейчас я ни о чём не думала. Лишь изредка поёживалась и кривила губы. Было и правда щекотно, и где-то глубоко, внутри кости, непривычно. Затем я почувствовала, как магнит — маленькая, родная часть меня, с помощью которой корсет крепился к позвоночнику, на мгновение отлип. Это было странное, пустое ощущение, будто что-то оторвали изнутри, но без боли. И всё это — без единого разреза не снимаю одежду. Через секунду раздался тихий щелчок, магнит снова прильнул к позвонку, и аппарат замолчал.

Профессор отъехал от экрана, легко поднялся со своего кресла и подошёл ко мне.

— Вот и всё, — сказал он, снимая корсет со стойки и протягивая его мне. — Мне выйти?

— Нет, — я взяла свой ошейник, всё ещё тёплый от другого аппарата. — Его можно поверх платья.

— Хорошо, — кивнул он и, повернувшись к экрану, сделал вид, что погрузился в изучение данных, давая мне уединение, но оставаясь рядом, на случай если понадобится помощь.

Быстро и привычными движениями пристегнув корсет, я осторожно встала. День, проведённый без него, с болезненной ясностью показал, как сильно я в нём нуждаюсь. Он мягко прикрепился к спине, сняв всю тяжесть, и мир снова

встал на свои места — устойчивый и управляемый. Я сделала несколько пробных шагов, и тело послушно откликалось, как будто и не было этого жуткого сбоя.

Я посмотрела на профессора, чтобы поблагодарить, но в этот момент в ухе тихо прозвучал голос ТЭКа:

— Корсет функционирует в штатном режиме. Вам поступило сообщение от контакта Сфера.

— Эйри, где ты? Давай встретимся. Я волнуюсь.

Точно. После всего, что случилось, я ей даже не позвонила — я совсем забыла о Сфере. Чувство вины лёгким холодком опять пробежало по коже, смешиваясь с облегчением от работающего корсета.

— Всё в порядке? — спросил профессор, заметив моё замешательство.

— Да, — я выдохнула, собираясь с мыслями. — Просто жизнь напоминает о себе. Спасибо вам, Иван-Константин. Без вас я бы...

Он мягко поднял руку, останавливая меня.

— Ты бы справилась. Но я рад, что смог помочь тебе. Теперь беги, как вижу, тебя, кажется, кто-то очень ждёт.

Я кивнула, в последний раз проверив ощущения в спине. Корсет работал бесшумно и идеально, как ни в чём не бывало. Но память о сегодняшней боли, о внезапной беспомощности и о том, что скрывалось за массивной дверью на четвёртом этаже, уже поселилась глубоко внутри, тихой, настойчивой нотой.

Помахав профессору на прощание, я вышла в коридор, набирая ответ Сфере.

Физически я была восстановлена. Но внутри что-то сместилось, и привычный мир уже не казался таким прочным и понятным.

Глава 9

Выйдя из биоинститута, я остановилась на мгновение, позволив вечернему воздуху омыть лицо. Тяжесть и беспомощность, висевшие на плечах весь день, словно испарились. Корсет работал безупречно, с тихим, почти ласковым жужжанием. Он не напоминал о себе, а просто был частью меня, как и должно быть. Я выпрямилась, чувствуя, как пластины мягко поддерживают спину, и впервые за сегодня вздохнула по-настоящему глубоко.

На ступенях меня резко толкнули в плечо. Я едва успела переступить, сохраняя равновесие. Мимо пробежала невысокая девушка, даже не обернувшись.

«Ну ладно, — беззлобно подумала я. — У всех бывают плохие дни».

Я активировала ТЭК, мысленно набросав сообщения. Щупальца за ухом едва ощутимо заныли — этот новый имплант всё ещё чувствовался чужим.

«Сфере: Всё чинилось дольше, чем думалось. Через полчаса в нашем кафе? Я уже в пути».

Отцу: Корсет работает, уже хожу. Всё в порядке. Встречаюсь со Сферой, потом домой. Если хочешь увидимся».

Ответ от Сферы прилетел мгновенно, будто она только этого и ждала:

— Я уже тут. Заняла наш столик у окна. Беги быстрее, очень хочу увидеться!

Я не сдержала улыбки. Этот простой, нетерпеливый тон был лучшим лекарством. Решила не вызывать транспорт. Вдохнула прохладу наступающего вечера и тронулась шагом. После вынужденного сидения в коляске даже этот привычный жест, просто отправиться куда-то на своих двоих, вернее, на своей технике — казался маленьким праздником. Случайный толчок, спешащие люди, знакомый путь к кафе и всё это было частью обычной, непарадной жизни. И сегодня эта обычность казалась драгоценной.

Сообщение от отца пришло, когда я была на полпути.

— Дочь, я рад, что всё хорошо. Сегодня нет времени.

Как всегда. Занят. Но сейчас я не хотела об этом думать, наслаждаясь лёгкостью в спине и чёткой работой мышц.

Идя по чистым, почти пустынным улицам, я машинально засунула руку в карман платья. Пальцы наткнулись на что-то шершавое и чуждое. Я замедлила шаг.

«Что это?» — пробежала мысль в голове.

Достала смятую бумажку. Настоящую, из волокон.

«Записка?»

В наше время никто не пишет на бумаге. Мы печатаем, отправляем голосовые или письма через нейроинтерфейсы. Письму как навыку уже лет пятьдесят как не учат. Это было так же дико, как найти каменную табличку посреди улицы.

Я разгладила листок. Текст был выведен удивительно

каллиграфическим, почти старомодным почерком, карандашом. Читалось с трудом, буквы казались символами.

«Как я и сказал, ты многого не знаешь. Нам нужно поговорить лично. Напиши ответ также на бумаге. Хочу кое-что рассказать тебе про твою маму...»

Я не стала дочитывать. Сердце ударило в виски с такой силой, что в ушах зазвенело. Это он. Ночной гость из больницы. Должно быть, он.

«При чём здесь мама? Кто сунул это мне в карман?»

Инстинктивно, почти в панике, я скомкала записку и сунула её обратно в карман, крепко сжав ладонь, будто могла таким образом спрятать сам факт существования бумаги. Вечерний воздух внезапно показался холоднее, а знакомые улицы — полными невидимых, внимательных глаз. Я ускорила шаг, направляясь в кафе, к Сфере, к нормальности. Это всё не правда. Чья-то злая шутка.

Улицы к вечеру опустели. Ровные, чистые полосы тротуаров тянулись между низкими, плавных форм зданиями из светлого композитного материала. Где-то сбоку, почти неслышно, проплывало такси на воздушной подушке. Встречные прохожие: кто в корсетах, кто на самоходах спокойно проходили, не поднимая глаз, погружённые в голо-

граммы личных экранов или в тихий разговор с собственным ТЭКом. Фонари зажигались постепенно, отливая мягким голубоватым светом, который не побеждал сгущающиеся сумерки, а лишь подчёркивал их. Воздух был тих, пахло кварцем после дневной циркуляции и едва уловимой сладостью цветущих в гидропонных нишах декоративных лиан.

Среди невыразительных фасадов кафе выделялось не броскостью, а именно своей иной, уютной геометрией. Оно было невысоким, идеально круглым, похожим на гладкий булыжник. Стены из затемнённого стекла скрывали интерьер от посторонних глаз, но сквозь них пробивалось тёплое, янтарное сияние внутреннего света. Круглая форма казалась слишком обтекаемой, почти вызовом прямолинейному миру вокруг. К нему вела короткая аккуратная дорожка.

Я толкнула дверь, и меня обняло привычное тепло, запах свежесваренного кофе и сладкой выпечки. Внутри было так же кругло: стойка бара, несколько небольших столиков, мягкие диваны вдоль стены. Всё повторяло изгиб стен. На потолке мерцала стилизованная голограмма спиралевидной галактики, двигавшаяся с едва заметной скоростью. За одним из столов у стены я сразу заметила знакомую фигуру в алой шапке, всегда с чуть растрёпанными волосами. Сфера. Но даже направляясь к ней, я чувствовала в кармане жгучий вес смятой бумажки. Те слова — «про твою маму» — пульсировали в висках ровным, тревожным ритмом, заглушая тихую фоновую музыку и сдержанный гул разговоров.

Этот уют теперь казался тонким слоем лака, нанесённым на что-то зыбкое и незнакомое.

— Привет! — громкий, радостный голос выдернул меня из тревожных раздумий. — Эйри, садись! Мне столько всего нужно у тебя узнать!

Я посмотрела на подругу. Её улыбка была такой же широкой и искренней, как в детстве.

«Сейчас я здесь, с ней, — твёрдо сказала я себе. — Об остальном подумаю позже. Или не буду думать вообще».

— Привет, — я подошла к столику. — Прости, что не написала раньше. Мне и правда есть что рассказать.

— Я видела тебя на трансляции с журналистами, — Сфера махнула рукой, как бы отмахиваясь от извинений. — Так что да, ты была занята. Я заказала тебе травяной чай, твой любимый.

— Спасибо, — я опустилась в кресло напротив. — Да, очередное выступление с отцом. Это всё... как-то странно.

— Странно, что они, — она слегка понизила голос и кивнула куда-то в сторону, имея в виду власти, — сказали неправду? Или тебе просто это всё не нравится?

— И то, и другое, — тоже прошептала я. — Ты ведь тоже подписала соглашение о неразглашении?

— Как и все, кто был там в момент происшествия, — Сфера повернула голову вправо, и я увидела то, чего раньше не замечала: тонкий, почти незаметный полуошейник из матового полимера у неё на шее.

— Это... новый корсет? Но как?

— Как-как, — она усмехнулась беззвучно. — В качестве компенсации за нашу лояльность и молчание, конечно.

— То есть плата за молчание, — недовольно пробурчала я, и в голосе прозвучало недовольство.

— Даже если и так, что в этом плохого? — Сфера пожала плечами, и в её движении не было ни капли стыда. — На такой корсет мне пришлось бы работать годами, если бы вообще когда-нибудь наскребла баллов. — Она сделала глоток чая, её взгляд был спокойным и прямым.

Я тоже выпила глоток, чувствуя, как тёплая жидкость разливается внутри, но не принося успокоения. Сфера пристальнее посмотрела на меня.

— Ты меня осуждаешь?

— Нет, — ответила я быстро, но вопрос задел меня за живое. — Просто... это как взятка. И это неправильно.

— Знаю, что неправильно, — тихо сказала она. — Но я — не ты. У меня в этой жизни не так уж много вариантов для выбора.

— Что ты имеешь в виду? — я нахмурилась. — Я просто говорю о справедливости.

— Эйри, я тебя очень люблю, — Сфера положила ладонь на стол, и её голос стал мягким, но твёрдым. — Но ты не знаешь обычной жизни. Совсем. У тебя всё было с рождения. А ты считаешь, что наш мир идеален и справедлив по определению. Но это не так.

— Мир может и не идеален, но он... правильный, — попыталась я возразить, но в голосе уже слышалась неуверенность. Я смотрела на подругу и видела, как в её глазах отражается что-то чужое, незнакомое. — Ты ведь всегда была рядом. Ты всё видела.

— Да, была. И всё, что у меня есть, — она обвела рукой пространство вокруг, включая свою одежду и тот самый корсет, — у меня есть благодаря тебе. Одежда, гаджеты, доступ в места, куда мне с моим статусом хода нет. Я знаю, что ты делаешь это от чистого сердца, поверь. Но я бы сама этого никогда не добилась. Корсет — это не роскошь, Эйри. Это необходимость. И при достатке моей семьи мне бы и старый, треснувший аппарат не светил. Всё это это ты. Ты добрая. Ты лучшая подруга. И я этого никогда не забуду. Но кроме меня, кто скажет тебе правду в лицо?

Я молча смотрела на неё, и в голове что-то сдвинулось, как шестерёнка, вставшая на чуждое место. Я никогда этого не замечала. Для меня было естественным делиться с ней всем: игрушками, платьями, доступом в виртуальные парки. Я думала, что все вокруг такие же, что так и должно быть. А сейчас её слова, произнесённые без злобы, с какой-то усталой нежностью, обнажили пропасть, которую я всегда упорно отказывалась видеть. Я сидела в уютном кафе с лучшей подругой, но впервые почувствовала себя по-настоящему одинокой и слепой.

— Знаешь, Эйри, я не хочу сейчас говорить о том, что

случилось, — Сфера отодвинула чашку, её взгляд стал серьёзнее. — Но у меня вопрос: как ты на самом деле себя чувствуешь? Ты же долго пролежала в больнице.

— Всё в порядке, — я сделала ещё один глоток, чтобы выиграть секунду. — Если не считать моего отца.

— Да брось, — она опять махнула рукой, но улыбка уже не была прежней, лёгкой. — Я просто рада, что ты цела. А папа что? Опять в правительство зовёт?

Я поморщилась:

— Ага. Причём даже не спрашивает. Я получила два образования, Сфера, практически без сна. Одно было для него, другое... то, что мне на самом деле интересно. Он этого не понимает. И вряд ли поймет.

— Знаешь, а может, ты просто бунтуешь? — тихо, прищурившись сказала она. — Ведь он, по-своему, прав.

— Что? — я откинулась на спинку кресла, почувствовав укол. — Ты на его стороне?

— Да. На его, — она не опустила глаза. — Работа в правительстве — не просто баллы. Это стабильность, влияние. Возможность что-то менять, если захочешь.

— А биоинженерия, это основа будущего! Это важнее любых баллов!

— Думаешь? — Сфера убрала руки со стола, и её голос стал совсем тихим, но от этого каждое слово звучало чётче. — Эйри, послушай. Достаток твоего отца даёт тебе возможность жить в своём жилье, ведь так? Обычным людям это не

светит даже через десять лет. Я, например, до сих пор живу с родителями в трёхкомнатной капсуле на первом этаже.

— Ну, это же другое...

— Разве? — она мягко перебила. — Будь ты обычным биоинженером, ты бы до сих пор жила с отцом. Или снимала угол где-нибудь на окраине.

— Ни за что, — я попыталась улыбнуться, но улыбка вышла слабой. Меня задевало, но в её тоне не было злости, а только усталая правда.

— Хорошо. А когда у тебя появился первый корсет? Вспомни.

— В четыре года. Как и у всех.

— Нет, — она покачала головой. — У меня он появился в восемь. До этого я каталась на старенькой механической коляске, ещё на колёсах. Ты не знала? — Она увидела моё выражение лица и чуть смягчилась. — А твоя одежда... У тебя ведь подписка на эксклюзивные дизайны, вещи печатаются прямо у тебя дома, в твоей гардеробной. А я ношу или то, что куплю на цифрорынке за сбережения, или то, что ты мне отдаёшь. Я не жалуясь, Эйри, честно. Но... Твоя жизнь и жизнь обычного человека... Это разные вселенные. — Она сделала паузу, давая словам просочиться. — И поэтому я могу тебе сказать: ты не права. Ты думаешь, я мечтаю работать в безопасности правительства? Нет. Я бы стала дизайнером или работала с ИИ. Но это не даст мне будущего. Не того, которое ты считаешь само собой разумеющимся. А того, где

у меня будет своя комната, где я смогу позволить себе лечение, если что-то случится, где я не буду считать каждый балл, думая, что важнее. Ужин или зарядка для корсета.

Она отпила чай, и её руки были совершенно спокойны. А я сидела, чувствуя, как привычная уверенность, та самая, на которой стоял мой мир, будто выскользнула у меня из-под ног. Не из-за злобы или зависти в её голосе. Этого точно не было. А из-за этой простой, размеренной правды, которая звучала так, будто она прожила с ней всю жизнь, а я только что впервые её услышала.

Воздух в кафе вдруг показался гуще, звуки более приглушёнными, как будто между мной и всем остальным опустилась тонкая, но прочная стеклянная стена. Я смотрела на подругу, на её знакомое круглое лицо, и видела в нём человека из другого измерения, которое всегда было рядом, но в которое я никогда по-настоящему не заглядывала.

Сфера заметила моё замешательство и махнула рукой, словно отмахиваясь от собственных слов:

— Ладно, давай закроем эту тему. Я что-то разболталась.

— Хорошо, — согласилась я, но тут же добавила, глядя ей прямо в глаза. — Но знаешь? Спасибо. За правду. Ты единственная, кто говорит мне всё как есть, без прикрас и поклонов.

На её лице снова расцвела та самая, тёплая и немного озорная улыбка:

— Кстати, мы же наконец сдали все экзамены! Точнее нам

их зачли. Имеем полное право на отдых, не находишь?

Отдых? Слово прозвучало странно. В нашем мире после учёбы сразу начиналась работа, карьера, служение идеалам во благо нас самих. «Отдыхать» всерьёз было немодно, почти неприлично. Интересно, что она задумала? Сфера прочитала немой вопрос в моих глазах.

— Поедем завтра за город? К моей тёте. Заодно увидишь, как живут обычные люди, — она произнесла это с лёгкой, знакомой усмешкой, в которой не было злобы, но была доля самоиронии.

— За город? — я невольно удивилась. Выезд за пределы столицы требовал разрешений, планирования, веских причин, ну или я всегда так думала.

— Неужели за все эти годы ты ни разу не была дальше столичного кольца? — она покачала головой, глядя на мою реакцию. — Да брось, мы же столько лет знакомы. Сказала бы раньше, я бы тебя давно вывезла, к своей родне.

— А разве у нас было на это время? Мы же учились сутками.

— Точно, после этого события, чувство, что учёба была очень далеко, — вздохнула она. — Но сейчас — то самое время. Пора увидеть другую жизнь. — Она сделала умоляющие глаза, нарочито-детские. — Пожалуйста? Мне не хочется одной. Да и нужно отдать мой старый корсет двоюродному брату. Ему уже пятнадцать исполнилось, а он до сих пор в коляске.

Неожиданный детский восторг, давно забытое чувство ожидания приключения, защемило внутри.

— Конечно, я только за! — ответила я, и мои собственные слова прозвучали почти с тем же мальчишеским энтузиазмом, с каким когда-то согласилась на поход в цифровой парк.

— Значит, договорились, — Сфера удовлетворённо кивнула и мельком взглянула на голографический экран с временем, парящий под потолком. Её выражение сменилось на привычную, будничную озабоченность. — Пора по домам. Скоро комендантский час.

Я тоже подняла глаза на цифры, отсчитывающие минуты до изоляции, и с привычной, глухой досадой кивнула. Эти правила, эта клетка расписания. Они всегда настигали, напоминая, что даже разговор о свободе заканчивается в точно отведённое время. Мы расплатились баллами и вышли в вечерние сумерки, где фонари уже зажглись, отмечая безопасные маршруты до жилых секторов.

Дойдя до остановки, Сфера обернулась:

— Эйри, ты со мной на аэротобусе или на такси?

— Знаешь, это тебе далеко, а мне до дома минут десять пешком. Пройдусь.

Мы зашли под навес остановки. Она быстро ввела данные маршрута в терминал, и безличный голос объявил:

«Транспорт будет через пятнадцать секунд».

Едва мы вышли обратно на тротуар, как бесшумный аэро-

тобус, похожий на вытянутую каплю, подплыл к посадочной платформе. Сфера обняла меня на прощание.

— Тогда до завтра?

— Хорошо. Только предупрежу папу, чтобы не волновался.

Она уже занесла ногу в салон.

— Конечно. И как дойдёшь до дома, отпишись, ладно?

Я лишь успела кивнуть, как двери бесшумно сомкнулись, и транспорт растворился в вечерней дымке. Я осталась одна на почти пустой улице.

Повернув в сторону дома, я немного прошлась и замедлила шаг. Мысли неотвратимо вернулись к смятой бумажке в кармане. Рука сама потянулась нащупать её сквозь ткань. Почему-то было смутное ощущение, что я её там не найду и что она исчезнет, как сон. Но нет, шершавый уголок упирался в пальцы. Она была здесь, реальная и необъяснимая.

Я остановилась, оглядевшись. Улицы были пустынные и тихи, лишь где-то вдалеке мерцали огни патрульных дров. Чувство, будто я собираюсь совершить нечто запретное, сжало горло. Сделав несколько шагов, я встала под тусклый, холодноватый свет уличного фонаря. Его синеватое сияние создавало вокруг маленький островок в темноте.

Затаив дыхание, достала записку, стараясь не порвать хрупкую бумагу. Пальцы слегка дрожали. Разгладив на ладони в свете фонаря каллиграфические строки проступили четче. Теперь я дочитаю до конца.

«Как я и сказал, ты многого не знаешь. Нам нужно поговорить лично. Напиши ответ также на бумаге. Хочу кое-что рассказать тебе про твою маму. Нас много, но ты нужна нам. Пожалуйста, напиши ответ также. Оставь его завтра под скамейкой около своего дома. Напиши, где мы сможем встретиться. Не говори никому.»

Я смяла бумажку в кулаке. Мне дико хотелось её порвать, сжечь, бросить в ближайший утилизатор. Это было неправильно. Кто эти «мы»? Зачем я им нужна? И при чём здесь мама? И самое жуткое — они знают, где я живу.

Фонари вокруг померкли ещё сильнее, мигая предупреждением: пора двигаться быстрее, комендантский час на подходе. Я почти побежала, мысли неслись впереди.

«А как же Кристи?»

Домашняя система. Она сканирует всё на входе. Увидит бумажку — задаст ненужные мне вопросы. Куда её деть? Рассказать Кристи? Нет, она мгновенно сообщит отцу или в безопасность. Только сейчас, с этой запиской в руке, до меня дошло, почему бумажные послания запрещены. Не из-за того что это устарело, а потому что их нельзя отследить. Все переписки, голосовые, даже нейроимпульсы это наши цифровые следы. Всё под контролем системы. А вот эта хлипкая,

шершавая бумажка... её не просканируешь. Если, конечно, не найти.

«Как её уничтожить? Во что я вляпалась? Может, позвонить отцу? Нет. Точнее нет. Я сама должна это выяснить. Должна понять, в чем тут дело».

Я резко остановилась у знакомого подъезда. Камера над входом мерцала тусклым красным огоньком. Осмотрелась — улица была пуста. Быстрым, почти воровским движением я засунула смятую записку под платье, под облегающее нижнее бельё. Холодок бумаги коснулся кожи. Пусть хоть так. Лишь бы камера не заметила.

Дверь бесшумно отъехала, впуская меня в тёплый, стерильный свет холла. В ухе тихо пискнул ТЭК.

— Добро пожаловать домой, Эйри. Ваш биоидентификатор подтверждён. Кристи ждёт вас в квартире и ваших указаний.

Я сделала глубокий вдох, выпрямила спину и вошла, стараясь, чтобы шаги звучали так же ровно и обыденно, как всегда. Теперь главное — не выдать себя. И решить, что делать дальше. Лифт бесшумно доставил меня на нужный этаж. Дойдя до нужной двери, я остановилась. Дверь в квартиру отъехала в сторону.

— Добро пожаловать. Я соскучилась по вам, — знакомый, мелодичный голос Кристи прозвучал как всегда, вежливо и ровно.

— Я тоже, Крис.

— До отключения энергии остаётся девятнадцать минут. Вы успеете принять душ?

Я замерла на секунду. Записку нельзя обнаружить.

— Знаешь что, я схожу утром. Я очень устала. Хочу сразу в кровать.

— Как скажете. Хотя это отклонение от вашего обычного распорядка. Мне следует проявлять беспокойство? Ваши биометрические показатели указывают на повышенный уровень стресса.

— Нет, не следует. И хватит меня сканировать без спроса. Я просто устала.

— Вы сегодня проявляете раздражительность. Приготовить вам чай?

— Я в стрессе, Крис, я же только что выписалась из больницы. Чай я уже пила. И есть не хочу. Пожалуйста, просто дай мне пройти в комнату. Ты стала уж слишком... человеческой в своих оценках.

— Ошибка. Я не могу быть человеческой. Мои поведенческие алгоритмы адаптируются под ваши привычки. Конечно, проходите.

Я быстро сняла обувь и прошла в спальню, тяжело опустившись на край кровати. Взгляд сам упал на прикроватную тумбу. На ней лежал небольшой пластиковый диск — ремонтный ключ. И из-под него торчал уголок... бумаги.

Кровь отхлынула от лица. Мне дико захотелось схватить его, но я вцепилась в край матраса. Стало жутко. Я подняла

глаза к потолку.

— Кристи. Кто-то был в моей квартире?

— Да. Приходил технический специалист для ремонта контактной панели на вашей тумбе. Вас что-то беспокоит? Ваш пульс значительно учащается.

— Нет, — выдавила я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Через сколько отключат энергию?

— Через семь минут тридцать три секунды.

— Хорошо.

Действуя на автомате, я отстегнула корсет и аккуратно положила его на зарядную панель. Рука при этом дрогнула и задела край бумажки. Внутри всё кричало. Я сорвала с себя платье и швырнула его на пол — мне было жутко и была непонятная мне злость, что не похоже совершенно на меня.

— Грязную одежду следует помещать в специальный отсек для дезинфекции.

— Крис, не ворчи. Завтра отнесу. Сегодня я сплю так.

— Поняла. Вы отходите ко сну без пижамы. — Она произнесла это достаточно громко.

— Восьмой верховный! Крис, у нас же тонкие стены! Весь дом тебя слышит!

Я плюхнулась на кровать, и умный материал мгновенно обнял тело, приняв его форму. На секунду, я позволила себе забыться в этом знакомом, уютном блаженстве. Тёплая кровать, знающая каждую изгиб, любимая подушка.

Свет погас. Электричество отключили. В комнате воца-

рилась густая, почти осязаемая тишина, нарушаемая только тихим гудением резервного аккумулятора где-то в стене. Я повернулась на бок, мои нечувствительные ноги остались лежать так, как их оставила и то как их приподняла моя кровать.

Только тогда я, затаив дыхание, достала из-под пояса беля ту самую, первую записку. А потом, медленно, протянула руку к тумбочке и подняла диск, стараясь делать всё как можно тише, даже не дыша. Вытащила новый листок — на моё удивление он был пустой. Но такой же шершавый и чужеродный.

В тусклом, едва различимом свете от светодиодной подсветки тумбы два клочка бумаги лежали передо мной на одеяле. Один — тот первый, с посланием. Второй — чистый, оставленный для ответа. И что мне теперь с ним делать?

Чем писать? Мысль показалась абсурдной. Я посмотрела ещё раз на тумбочку. На самом её краю, почти сливаясь с тенью, лежало что-то совсем маленькое и острое. Я приподнялась на локтях, замирая при каждом шорохе ткани.

«Тише, тише».

Чтобы умный дом ничего не услышал, не зафиксировал лишнего движения. Дотянувшись кончиками пальцев, я схватила предмет и, сжав в кулаке, осторожно опустила назад.

Разжала ладонь. И он возник в полумраке. Детский, почти суеверный восторг на секунду затмил всё: страх, нере-

шительность, вопросы. Я видела такие только в музеях, за толстым стеклом, как артефакты древней, забытой цивилизации.

Карандаш. Самодельный, грубый, размером с палец, перемотанный у основания какой-то тряпочкой. Грифель был сточен почти до основания. Но он был настоящим. Я повертела его в пальцах, ощутив шершавость дерева, несовершенную форму, лёгкий вес. Он казался нелепым и бесконечно могущественным.

Полюбовавшись ещё мгновение, я вернулась к записке, перечитала её в пятый, в шестой раз. Потом взгляд упал на чистый листок. Что я должна ответить? И я ведь не умею так писать. Мы все печатали. Сначала на клавиатурах, потом голосом, потом мыслями через ТЭК. Письменность, соединение букв в вязь от руки, была утраченным искусством, вроде гончарного дела или верховой езды.

Я взяла огрызок карандаша в кулак, как берут инструмент, назначение которого понимаешь лишь в общих чертах. Грифель дрогнул над бумагой. Я попыталась провести по бумаге. Линия получилась размашистой, неуклюжей, то жирной, то прерывистой. Буквы выходили корявыми, детскими, плясали на листе, отказываясь складываться в ровные строки. Это было мучительно. Каждое движение требовало невероятной концентрации. Я стирала ребром ладони, оставляя серые размазанные следы, и пробовала снова. Мир сузился до кончика карандаша, шершавой бумаги и тихого скреже-

та грифеля, который, казалось, было слышно на весь дом. Я писала. Медленно, уродливо, с трудом. Но писала. И в этом простом, непонятном для меня действии был странный, запретный вызов всему моему правильному, цифровому, прозрачному миру.

Отодвинув руку, я посмотрела на то, что вышло. Буквы плясали, строчки заваливались. Я с трудом разобрала написанное:

«Не хочу иметь с вами ничего общего. Ещё одна записка и вы окажетесь в СБ. Моя мама была правильным человеком».

Даже сквозь корявый почерк и очевидные ошибки, смысл был ясен. Угроза. Отрицание. И эта странная, сбившаяся фраза о маме.

С чёткой, почти отчаянной мыслью — забыть, стереть этот вечер, убедить себя, что это неправильно и не имеет ко мне отношения, — Я сложила обе записки и этот жалкий, чудесный карандашик и сунула их под подушку. Туда, где их не увидит Кристи.

Я легла, уставившись в потолок, стараясь дышать ровно. Но под тонкой тканью наволочки я чувствовала шершавый уголок бумаги. Он будто жёг кожу через все слои. ТЭК в ухе, перейдя в ночной режим, тихо щёлкал, напоминая о том что

я забыла его убрать. Но он мне сейчас не мешал и мне уже не хотелось шевелиться. Я думала о правильном мире, в который мне теперь предстояло вернуться с этой тайной, спрятанной в сантиметре от головы. Сон не шёл. Я лежала неподвижно, слушая тиканье своих мыслей и ощущая под щекой пульсацию собственного страха.

Глава 10

Мысли проносились в голове быстрее, чем аэротобус, плавно и почти бесшумно скользящий на своей воздушной подушке, увозил нас со Сферой от центра. Я прильнула к окну, впервые видя вживую то, что раньше наблюдала лишь на экранах или в галоучебниках.

За стерильными кварталами научного сектора потянулись низкие, растянутые купола, похожие на гигантские соты. Бесконечные белые крыши экоферм. Они мелькали за окном ровными рядами, сверкая под искусственным светом уличных прожекторов. Было странно осознавать, что я никогда не видела их так близко, не задумывалась, кто и как в них работает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.